

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-16-69

Научная статья / Research paper

В.А. Веселов*

**НЕСОВЕРШЕННАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ:
ФАКТОР ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ
В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ В 1958–1968 гг.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Спустя 30 лет после окончания холодной войны в ядерной сфере сохраняется биполярность, однако остальные ядерные державы уменьшают отрыв от России и США в области стратегических арсеналов, а в системе мировой политики в целом укрепляются тенденции к формированию полицентричного порядка. При этом в условиях резкого охлаждения российско-американских отношений на фоне «украинского кризиса» перспективы стратегического диалога по истечении Договора о сокращении наступательных вооружений (ДСНВ) становятся крайне туманными. Отсутствие же нового соглашения в этой области грозит отбросить международные отношения фактически к ситуации начала холодной войны со всеми вытекающими последствиями. Для того чтобы избежать подобного сценария, необходима не только политическая воля со стороны руководства Российской Федерации и США, но и полноценное подключение к переговорам других ядерных держав, прежде всего КНР. В этом отношении ценные уроки позволяет извлечь обращение к изучению истории холодной войны. Как отмечает автор, даже в период наивысшего своего расцвета в конце 1950-х — начале 1970-х годов биполярность не была исчерпывающей характеристикой международных отношений. На основе анализа целого ряда конкретных исторических примеров в статье показано, что в тот период сверхдержавы вынуждены были постоянно считаться с фактором третьей силы, который не только влиял на логику и динамику советско-американских отношений, но и в значительной мере определял направление и характер их военного строительства и планирования. Показано, что именно фактор третьей силы, прежде всего в лице Китая,

* *Веселов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

наравне с достижением стратегического паритета между сверхдержавами стал одним из главных импульсов к разработке режима противодействия ядерному распространению. В заключении автор акцентирует внимание на еще одном важном уроке холодной войны: опыт переговоров по контролю над вооружениями в тот период свидетельствует, что встречах политиков должны предшествовать совместные мозговые штурмы ученых заинтересованных стран. По мнению автора, в современных условиях представители одного из национальных академических сообществ могут проявить инициативу, с тем чтобы ко времени изменения политического климата уже имелись бы проработанные варианты решения проблем контроля над ядерными вооружениями в новом формате.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, ядерное оружие, СЯС, контрраспространение, ДНЯО, ядерное нераспространение, холодная война, советско-американские отношения, советско-китайские отношения, американо-китайские отношения, стратегический треугольник, СССР, США, Китай, ДСНВ

Для цитирования: Веселов В.А. Несовершенная биполярность: фактор третьей силы в советско-американских отношениях в ядерной сфере в 1958–1968 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 16–69. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-16-69.

Vasilii A. Veselov

**IMPERFECT BIPOLARITY:
THE 'THIRD POWER' FACTOR
IN SOVIET-AMERICAN RELATIONS
IN THE NUCLEAR FIELD (1958–1968)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

30 years after the end of the Cold War, bipolar structure still dominates in the nuclear sphere, although certain nuclear powers are closing the gap with Russia and the United States in terms of strategic arsenals and the system of world politics in general is moving towards polycentrism. At the same time, as US-Russian relations continue to deteriorate against the backdrop of the 'Ukrainian crisis', the prospects for strategic dialogue after the expiration of the Treaty on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (New START)

are becoming increasingly vague. The absence of a new agreement in this field threatens to throw international relations back to the beginning of the Cold War, with all the ensuing consequences. To avoid such a scenario, not only the leaders of Russia and the United States should demonstrate political will, but other nuclear powers should also be included in the negotiation process, particularly China. In this regard, the history of the Cold War can provide valuable lessons. The author argues that bipolarity (even at its apex in the late 1950s — early 1970s) had never been an exclusive characteristic of international relations. On the basis of a number of historical cases, the paper demonstrates that during this period the superpowers constantly had to reckon with the 'third power' factor. The latter did not only influence the logic and dynamics of Soviet-American relations, but also to a large extent predetermined the direction and nature of their military development and planning. Indeed, it was the 'third power' factor, namely China, along with the achievement of strategic parity between the superpowers that became one of the main impulses to the establishment of the non-proliferation regime. In conclusion, the author focuses on yet another important lesson from the Cold War: the experience of arms control negotiations during that period suggests that the meetings of politicians should be preceded by joint brainstorming sessions with scholars from interested countries. In the current situation, representatives of the academic community should take the lead so that by the time the political climate eventually changes, there would already be coherent and viable options for nuclear arms control adapted to new realities.

Keywords: arms control, nuclear weapons, strategic nuclear forces, counter-proliferation, NPT, nuclear non-proliferation, the Cold War, Soviet-American relations, Soviet-Chinese relations, American-Chinese relations, strategic triangle, USSR, USA, China, New START

About the author: *Vasilii A. Veselov* — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

For citation: Veselov V.A. 2023. Imperfect bipolarity: The 'third power' factor in Soviet-American relations in the nuclear field (1958–1968). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 16–69. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-16-69. (In Russ.)

Приближение февраля 2026 г. — срока, установленного сторонами при продлении Договора между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ), — заставляет задуматься о возможных вариантах дальнейшего развития ситуации в сфере

контроля над ядерными вооружениями. Таких вариантов, как представляется, три.

С учетом решения Российской Федерации приостановить участие в ДСНВ¹ наиболее вероятным в настоящее время видится вариант, при котором никакого нового соглашения между Россией и США к указанному сроку заключено не будет. В таком случае ситуация в сфере контроля над ядерными вооружениями вернется в состояние, соответствующее июлю 1968 г., когда стороны были связаны лишь Московским договором 1963 г.² и обязательствами по Статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО): «...в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³.

Второй вариант — заключение соглашения, не требующего длительного и сложного переговорного процесса, а зависящего главным образом от политической воли руководителей двух стран. Примером подобного соглашения служит Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г.⁴ Очевидно, что реализация данного варианта возможна лишь в условиях радикального изменения климата мировой политики.

Третий вариант, осуществление которого представляется рано или поздно неизбежным, — переход к многостороннему формату в контроле над ядерными вооружениями. При наличии соответствующей политической воли у Вашингтона подключение Велико-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 21.02.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 10.03.2023).

² Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, 5 августа 1963 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762782/ (дата обращения: 10.03.2023).

³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов. 27 мая 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686025/ (дата обращения: 10.03.2023).

британии и Франции к переговорному процессу вполне вероятно. Таким образом, ключевым фактором станет позиция Китая.

В этой связи целесообразно еще раз присмотреться к той роли, которую КНР играла в советско-американских отношениях периода холодной войны. Необходимо оценить, почему именно Китай, а не Великобритания и Франция, раньше него вступившие в ядерный клуб, стал третьей силой — фактором, с которым двум сверхдержавам пришлось считаться уже в 1960-е годы.

Выбор временного интервала для рассмотрения в настоящей статье обусловлен следующими соображениями. В качестве начального рубежа избран 1958 г. в связи с изменениями в отношениях двух сверхдержав с государствами, составившими «второй эшелон» участников ядерного клуба. В значительной степени эти изменения были обусловлены осмыслением уроков Суэцкого кризиса, вызвавшего «проблему доверия» в Североатлантическом альянсе [Пилько, 2007]. Кроме того, 1958 г. стал важным рубежом в развитии советско-китайских отношений, что было связано именно с ядерной политикой. Наконец, в 1958 г. по инициативе Ирландии началось обсуждение проблемы противодействия ядерному распространению в ООН.

Путь к реализации идеи занял 10 лет — до подписания ДНЯО в 1968 г. За это время число членов ядерного клуба удвоилось, мир прошел через несколько острых кризисов, грозивших вылиться в ядерную войну, произошли радикальные изменения в отношениях двух сверхдержав, был установлен стратегический паритет. Все эти явления нашли отражение в тексте ДНЯО, одна из статей которого (шестая) связала два процесса — горизонтального и вертикального распространения. В соответствии со своими обязательствами по этой статье СССР и США не сразу, но всё же начали переговорный процесс, завершившийся подписанием соглашений в мае 1972 г., образовавших ту модель контроля над вооружениями, судьба которой будет решаться в предстоящие годы.

Рассматриваемый период считается золотым веком биполярности в мировой политике, но была ли она исчерпывающей характеристикой, когда формировались новые региональные центры силы, возникали новые амбиции и возрождались старые споры?

Процессам размывания биполярности и становления многополярности в период холодной войны посвящена обширная литература, при этом основное внимание уделяется интеграции Западной

Европы и японскому «экономическому чуду». Такой подход справедлив, поскольку демонстрирует одни из главных компонентов тенденции, но в то же время он не полностью отражает картину. В военно-политическом измерении в рассматриваемый период происходили не менее важные события, также привлекавшие внимание исследователей. Немало работ посвящено политическим отношениям в треугольнике СССР–США–КНР, особенно рубежа 1960–1970-х годов [см. подробнее: Юнгблуд, Воробьёва, 2018; China, the United States and the Soviet Union..., 1993; Burr, 2001; Goh, 2004; Xia, 2006; Dobbs, 2010; Lüthi, 2012]. Применительно к сфере ядерной политики в фокусе исследований находится процесс горизонтального распространения ядерного оружия (ЯО), при этом основное внимание уделяется механизмам и мотивам принятия решений [см. подробнее: Ядерный мир..., 2017; Верещага, Чернышёв, 2019; The diffusion of military technology and ideas, 2003; Narang, 2017; Debs, Monteiro, 2016; Lanoszka, 2018; Marsh, 2019; Yuan, 2022], а также мерам противодействия (контрраспространению) [см. подробнее: Joyner, 2009; Lodgaard, 2011; Gavin, 2015; Mallard, 2014; Taliaferro, 2019; Spaniel, 2019; Mauroni, 2019; Mehta, 2020; Smith, Spaniel, 2021; Kaplow, 2022] и значительно меньше — последствиям для центросиловой структуры мировой политики в период холодной войны [см. подробнее: Roberts, 1996; Horowitz, 2010; Horsburgh, 2015; Mukherjee, 2022]. Представляется, что ядерное измерение процесса размывания биполярности нуждается в дополнительном осмыслении, поскольку это позволяет лучше понимать современные нам явления в мировой политике.

От кризиса до кризиса: Тайвань и Куба

К началу рассматриваемого периода в ядерном клубе насчитывалось всего три участника, причем один из них — Великобритания — фактически отказывался от суверенитета, уходя под патронаж США и растворяя свои силы в американских — как в материальном, так и в концептуальном отношении [Jones, 2017]. Прямо противоположная тенденция наблюдалась во Франции, где вернувшийся к власти Ш. де Голль должен был предложить нации какой-то иной символ величия вместо утрачиваемой колониальной империи. Французский ядерный проект, начинавшийся при Ш. де Голле в первые послевоенные годы, ко времени его возвращения вышел на финишную прямую [Зинченко, 2004], и уже в феврале 1960 г. страна провела свое первое

ядерное испытание. Ядерные амбиции остальных союзников США по НАТО заставили Вашингтон начать поиск путей «управляемого приобщения» к ЯО, что в итоге вылилось в проект «Многосторонних ядерных сил» (МЯС) альянса [Пилько, 2007].

Китайский путь имел много общего с французским. Руководителей страны всё меньше устраивала роль младшего партнера, но, в отличие от Франции, речь шла не о сохранении статуса, а о возвращении суверенитета и былого величия, утраченного во время «века унижения» (1839–1949), причем и внутренние, и внешние интересы требовали сделать это как можно скорее. Задаче резкого изменения статуса страны в мирополитической системе были подчинены и политика «Большого скачка», и усилия по реализации ядерной и ракетной программ, которые во второй половине XX в. считались неотъемлемыми атрибутами великой державы.

Решение о развертывании национальной ядерной программы было принято руководством страны в январе 1955 г., а мощным импульсом послужил Первый тайваньский кризис [Lewis, Litae, 1988]. Судя по дальнейшему развитию ракетно-ядерного потенциала Китая, можно предположить, что уже тогда главными были именно соображения статуса, а не количественные характеристики ядерных сил, при этом в качестве средства обеспечения национальной безопасности была избрана концепция минимального сдерживания.

Значительную роль в успехах КНР на этом направлении сыграла разнообразная помощь Советского Союза — от поиска сырья до проектирования испытательных полигонов. 15 октября 1957 г. было подписано межправительственное соглашение, предусматривавшее в том числе передачу информации о технологиях производства и конструкции ЯО [Zhihua, Xia, 2012: 79]. В КНР были командированы советские специалисты — сотрудники ядерного центра в Арзамасе-16, однако решение об отправке в Китай наиболее «чувствительной» информации — конструкторской документации и макета атомной бомбы, испытанной в СССР в 1951 г., — было отменено [Негин, Смирнов, 1997].

Помощь в указанной сфере была свернута еще до официального разрыва отношений, почти сразу после тяжелых переговоров Н.С. Хрущёва с Мао Цзэдуном в июле 1958 г. Причиной объяснений, которые был вынужден давать советский лидер, стал проект, предвосхищавший МЯС НАТО. Следует отметить, что впоследствии

именно действия Китая похоронили эту североатлантическую программу (см. далее).

18 апреля 1958 г. министр обороны СССР Р.Я. Малиновский направил министру обороны КНР Пэн Дэхуаю письмо с предложением о строительстве на территории Китая мощного радиоузла для связи с советскими подводными лодками (ПЛ) в акватории Тихого океана. Строительство предлагалось вести совместно с КНР, при этом Советский Союз брал на себя 70% расходов⁵. В Пекине восприняли это как посягательство на суверенитет; по их мнению, подобный объект должен был строиться за счет китайской стороны и полностью ей принадлежать.

В свою очередь 28 июня 1958 г. премьер КНР Чжоу Эньлай направил послание Н.С. Хрущёву с просьбой о помощи в производстве ПЛ с ракетным оружием. В ответ в военном ведомстве СССР возник альтернативный проект создания совместного советско-китайского флота, оснащенного ЯО и базирующегося на побережье Китая⁶. Очевидно, что прототипом этого предложения было формирование в том же году смешанных советско-албанских экипажей в составе бригады дизельных ПЛ, которая базировалась в порту Влёра на побережье Адриатического моря.

Аргументами в пользу появления данного советско-китайского проекта, видимо, послужили начало развёртывания на Тихом океане американских крылатых ракет *Regulus* в ядерном оснащении (их носителями были ПЛ и надводные корабли), а также неудобства базирования на территории советского Дальнего Востока⁷. Учитывая союзнические отношения двух стран, с точки зрения СССР вполне логично было бы в интересах противодействия общей угрозе использовать возможности КНР для компенсации превосходства США. Отметим, что эта же логика впоследствии привела к размещению советских ракет на Кубе⁸. По словам Н.С. Хрущёва,

⁵ Report, Peng Dehuai to Mao Zedong and the CCP Central Committee (Excerpt). June 5, 1958 // Wilson Center. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/report-peng-dehuai-mao-zedong-and-ccp-central-committee-excerpt> (accessed: 10.03.2023).

⁶ Переговоры Н.С. Хрущёва с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 114–119.

⁷ Там же.

⁸ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996. С. 60.

«у Китая обширное морское побережье, открытое море, откуда легко вести подводную войну с Америкой» [цит. по: Скороспелов, 2022: 23]. Материальным наполнением совместного советско-китайского флота, скорее всего, должны были стать атомные ПЛ проекта 659, вооруженные ракетами П-5, советским аналогом *Regulus*. Характерно, что лодки данного типа производились только на Дальнем Востоке [История отечественного судостроения, 1996: 149].

Советские предложения, разработанные в Министерстве обороны, были переданы послом СССР П.Ф. Юдиным лично Мао Цзэду 21 июля 1958 г. Содержание проекта вызвало столь бурное негодование лидера КНР, что потребовались внеплановый визит Н.С. Хрущёва 31 июля — 3 августа 1958 г. и личное объяснение. В результате всё вернулось к исходному китайскому варианту: тема совместного флота была закрыта, а КНР получила из СССР желаемую ПЛ с ракетным оружием, правда, не атомную, а дизельную (см. далее).

Несмотря на остроту полемики, проходившей в закрытом формате, внешне отношения СССР и КНР выглядели вполне союзническими. Более того, именно после визита Н.С. Хрущёва начались события, получившие название «Второй тайваньский кризис», и такая последовательность выглядела как наличие «благословения» руководителям КНР со стороны Советского Союза. В период кризиса действия Пекина полностью поддерживались Москвой. Более того, СССР выразил готовность направить в зону конфликта морскую ракетноносную авиацию против флота Чан Кайши, а также предоставить КНР ядерные гарантии безопасности на случай эскалации [Скороспелов, 2022: 25].

Тем не менее спор вокруг, казалось бы, частного вопроса военного строительства имел принципиальное значение и далеко идущие последствия. Руководители КНР продемонстрировали советской стороне, что главным для них является суверенитет, а совместные форматы неприемлемы даже в интересах противодействия общему врагу. Таким образом, заявка на роль третьей силы была сформулирована еще до вступления Китая в ядерный клуб. Именно в тот период, исходя прежде всего из внутривнутриполитических интересов, руководство КНР начало выдвигать (пока еще не публично) в адрес СССР обвинения в ревизионизме, отказе от коммунистических идеалов, сговоре с империалистами. Одними из аргументов Пекина служили отдельные шаги Москвы, предпринимавшиеся совместно с Вашингтоном и Лондоном для обуздания гонки вооружений, в первую

очередь принятый в 1958 г. мораторий трех держав на ядерные испытания, совещание экспертов Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО по проблеме предотвращения внезапного нападения, проведенное в рамках подготовки нового саммита «Большой четверки». К числу этих шагов относилась и крупная разоруженческая инициатива, изложенная Н.С. Хрущёвым в ООН 18 сентября 1959 г. От имени СССР он предложил принять «Декларацию о всеобщем и полном разоружении», на реализацию которой отводилось 4 года, результатом чего должны были стать роспуск вооруженных сил, ликвидация всего оружия массового уничтожения и большей части обычных вооружений (оставшимся должны были оснащаться силы охраны правопорядка)⁹. О том, что это был не пропагандистский ход, свидетельствует записка Н.С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС от 8 декабря 1959 г. По его мысли, появление ракетно-ядерного щита позволяло СССР, не дожидаясь решения мирового сообщества, пойти на глубокие количественные сокращения и замену регулярной армии милиционными формированиями¹⁰. Результатом стали решения о создании Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) (17 декабря 1959 г.) и сокращении Вооруженных Сил на 1 млн 200 тыс. человек в качестве первого шага к разоружению (7 января 1960 г.).

Следует отметить, что советские руководители в то время отнюдь не пренебрегали мнением китайской стороны. Сразу же после визита в США Н.С. Хрущёв направился на празднование 10-летия образования КНР, где проинформировал Мао Цзэдуна о переговорах с Д. Эйзенхауэром. В том числе он попытался убедить китайского лидера поддержать инициативы по разоружению, в частности мораторий на ядерные испытания. Но это ни к чему не привело. Отказ от проведения испытаний закрывал перед Пекином двери в ядерный клуб, и в январе 1960 г. КНР заявила, что не будет соблюдать договоренности, выработанные без ее участия [Богатуров, 1997].

Инициатива СССР, таким образом, не была поддержана ни противниками (США и НАТО), ни союзниками (КНР), хотя могла бы дать в случае ее воплощения реальный шанс на разрядку. Что означало бы действительное разоружение в условиях холодной войны?

⁹ Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов / МИД РФ, МГИМО (Университет). М.: Международные отношения, 2006.

¹⁰ «Армию надо сделать... без излишеств». Записка Н.С. Хрущева о военной форме 1959 г. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 36–67.

Очевидно, что исключение военно-силового фактора переводило соперничество в другие плоскости: экономическую, культурную, психологическую. Для Советского Союза возникала возможность перенаправить ресурсы в экономику, но вместе с тем предстояло острое противостояние в сферах, относимых в настоящее время к «мягкой силе», причем не только с Западом, но и с Китаем, который по-своему видел перспективы национально-освободительного движения, деколонизации и неприсоединения. События 1959 г. служат тому убедительным подтверждением.

С одной стороны, победа революции на Кубе завязала, хотя и не сразу, узел противоречий не только между СССР и США, но также между СССР и Китаем, причем перевес в последнем первоначально склонялся в пользу Пекина. С другой стороны, руководители КНР сами столкнулись с проблемой национально-освободительного движения и его внешней поддержки, только не в бывших колониях, а на своей территории. Вспыхнувшее восстание в Тибете поддерживали как США, так и Индия [Riedel, 2015]. На смену сотрудничеству времен Бандунга пришло острое соперничество двух соседних держав за влияние в «третьем мире», очень скоро проявившееся и в процессе ядерного распространения. Отметим также, что китайско-индийский конфликт создал очень непростую дилемму и для внешней политики СССР.

Последовавшие события 1960 г. подтвердили, что реализация крупных мер по разоружению и контролю над вооружениями возможна только в благоприятной политической обстановке (хотя верно и обратное — подобные мероприятия сами вносят вклад в улучшение климата международных отношений). Вступление в ядерный клуб Франции нанесло удар по трехстороннему мораторию на ядерные испытания и в то же время послужило привлекательным примером для КНР. Постепенно началось франко-китайское сближение, в том числе на почве общего неприятия инициатив «Большой тройки»: моратория на ядерные испытания, затем Московского договора 1963 г. и, наконец, ДНЯО.

США, не имея содержательного ответа на советскую инициативу, пошли на срыв Парижского саммита с помощью провокации (полет самолета U-2 над территорией СССР 1 мая). Одним из последствий этого были события, тогда оставшиеся незамеченными, но затем четко обозначившие политический кризис: вооруженные силы США были приведены в состояние повышенной боевой готовности

в глобальном масштабе. Так началась отработка состоящей из пяти уровней системы DEFCON (Defense Conditions), при этом 16 мая был объявлен уровень DEFCON-3, т.е. на «полпути» между миром и мировой войной [Watson, 1997: 722–723].

Разрядка с Западом не состоялась, а разногласия с КНР вышли на уровень открытого разрыва: СССР внезапно отозвал специалистов, работавших в Китае. Зримым символом изменения политического климата стало участие Н.С. Хрущёва в работе Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре–октябре 1960 г., когда он несколько раз брал слово, в том числе требуя предоставить КНР место в ООН, резко критиковал политику империалистов и настаивал на принятии декларации о деколонизации¹¹. Именно к этому времени относится знаменитый эпизод с ботинком, хотя наиболее важным событием визита следует считать первую личную встречу Н.С. Хрущёва с Ф. Кастро.

Вместе с тем глубина разногласий в советско-китайских отношениях еще не была столь велика, чтобы это использовалось при выработке стратегии США. Утвержденный президентом Д. Эйзенхауэром в декабре 1960 г. первый план применения ядерных сил SIOP-62 (Single Integrated Operational Plan, Единый интегрированный оперативный план на 1962 фин. г., вступал в силу 1 июля 1961 г.) предусматривал в самом начале конфликта нанесение удара максимальной силы по единому списку целей, включавшему объекты СССР, Китая и других социалистических стран¹².

Со сменой власти в США в январе 1961 г. начался пересмотр ядерной стратегии, но в планировании еще длительное время сохранялся взгляд на Советский Союз и КНР как на единого противника. В своем первом послании «О положении страны» от 30 января 1961 г. (через 10 дней после инаугурации) Дж. Кеннеди обозначил угрозу: «Каждый день мы приближаемся к часу максимальной опасности, по мере того как вооружения распространяются и враждебные силы растут. <...> Время работает против нас [time has not been our

¹¹ Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов / МИД РФ, МГИМО (Университет). М.: Международные отношения, 2006.

¹² History of the Joint Strategic Target Planning Staff: Background and preparation of SIOP-62 // The National Security Archive. Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb285/sidebar/SIOP-62_history.pdf (accessed: 10.03.2023).

friend]»¹³. За этой алармистской оценкой помимо пафоса предвыборной кампании Дж. Кеннеди стояли реальные события в широком диапазоне — от создания в СССР средств доставки термоядерного оружия на территорию США до подъема национально-освободительного движения.

«Приближение часа максимальной опасности» не было новой темой в американской риторике. Оно было исходной посылкой одного из ключевых документов начала холодной войны — директивы NSC-68, принятой в 1950 г. В том случае аргументами были конец атомной монополии США, победа революции в Китае и начало войны в Корее. Теперь ими стали запуск спутника Советским Союзом, создание им межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) и события в странах «третьего мира», в том числе под боком у Соединенных Штатов. Неслучайно основной автор NSC-68 — П. Нитце — был приглашен на роль ответственного за тематику национальной безопасности в предвыборной кампании Дж. Кеннеди (в администрации он получил пост заместителя министра обороны).

Выводом из оценок и 1950, и 1960 г. была необходимость увеличить расходы и отказаться от бюджетных ограничений для наращивания военного потенциала США, чтобы уйти в отрыв и создать позицию силы в отношениях со всеми противниками. В соответствии с заявленной в инаугурационной речи готовностью «заплатить любую цену, вынести любое бремя»¹⁴ Дж. Кеннеди обратился к Конгрессу за дополнительными ассигнованиями в связи с «чрезвычайностью» сложившейся ситуации и внес поправки к бюджету на 1961 фин. г. (заканчивался 30 июня)¹⁵.

Первый же бюджетный запрос Дж. Кеннеди предусматривал увеличение военных расходов, в том числе на стратегические ядерные

¹³ Annual Message to the Congress on the State of the Union, 30 January 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/annual-message-the-congress-the-state-the-union-5> (accessed: 10.03.2023).

¹⁴ President John F. Kennedy's Inaugural Address (1961) // National Archives. Available at: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-john-f-kennedys-inaugural-address> (accessed: 10.03.2023).

¹⁵ Special Message to the Congress on the Defense Budget. March 28, 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-the-defense-budget> (accessed: 10.03.2023); Special Message to the Congress on Urgent National Needs. May 25, 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-urgent-national-needs> (accessed: 10.03.2023).

силы (СЯС), более чем на 2 млрд долл. В сфере стратегических вооружений новая администрация взяла за основу планы Д. Эйзенхауэра, масштабировала их и скорректировала распределение приоритетов. В бюджет заканчивавшегося 1961 фин. г. были внесены изменения, согласно которым количество запланированных к производству ПЛ с баллистическими ракетами Polaris увеличивалось на треть, с 14 до 19 [Kaplan, 2006: 54].

Поправки к бюджету следующего, 1962 фин. г., разработанному еще администрацией Д. Эйзенхауэра и уже утвержденному Конгрессом, включали средства еще на 10 ПЛ (суммарно до 29). Было отменено развертывание седьмой и восьмой эскадрилий тяжелых МБР Titan II (планируемое общее количество их снизилось с 72 до 54), зато программа легкой МБР Minuteman, предназначенной для массового развертывания, была увеличена с 540 до 600 единиц с заменой мобильного (железнодорожного) варианта базирования на шахтные пусковые установки. Такой потенциал составил материальную основу новой концепции ядерного сдерживания, получившей название «контрсилы», или «ограничение ущерба». С этим «багажом» Дж. Кеннеди и направился в Вену на первую (и, как оказалось, последнюю) встречу с Н.С. Хрущёвым.

Советский лидер прибыл в столицу Австрии также после принятия решений о строительстве ядерных сил, что должно было придать ему уверенности в диалоге. Постановлением Совета Министров СССР от 4 апреля 1961 г. трем организациям (ОКБ-1 в Подмоскowie, ЦКБ-7 в Ленинграде и СКБ-172 в Перми) была поручена разработка трех отдельных ступеней, комбинации которых образовывали три ракеты: все три — межконтинентальную РТ-2 шахтного и железнодорожного базирования, вторая и третья — мобильную баллистическую ракету средней дальности (БРСД) РТ-15, первая и третья — стационарную БРСД повышенной дальности РТ-25 [Ракетно-космическая корпорация..., 1996: 132–133]. Постановлением также задавались работы по созданию легкой мобильной МБР РТ-20 и баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) РТ-15М [СКБ-385..., 2007: 74–75]. Таким образом, в СССР должны были появиться аналоги американских Minuteman (РТ-2), MMRBM (РТ-15) и Polaris (РТ-15М), а проекты РТ-20 и РТ-25 американских прототипов не имели.

Это решение, однако, не давало быстрого ответа на вызов США, поскольку американские ракеты уже были испытаны и речь шла

лишь о масштабах их серийного производства, а советские аналоги еще только предстояло разрабатывать, причем на новой технологической базе, которая также была в процессе создания. Поэтому одновременно было принято еще одно решение в качестве подстраховки на ближайшее время (до достижения паритета) — выход из моратория и испытание «супербомбы» как дополнительного аргумента в спорах по «германскому вопросу». Разработанная к тому времени водородная бомба 100 Мт была испытана 30 октября 1961 г. на половинную мощность [Кирюшкин, 2015].

Необходимость такой подстраховки была обусловлена явным намерением администрации Дж. Кеннеди не просто сохранить превосходство, но увеличить отрыв от СССР. Разработанный летом–осенью 1961 г. и представленный в Конгресс в январе 1962 г. проект военного бюджета на 1963 фин. г. заложил основу строительства СЯС США на все 1960-е годы¹⁶.

Рассмотрение работы Венского саммита и его последствий выходит за рамки настоящей статьи, но необходимо отметить два связанных между собой обстоятельства. Первое — отсутствие паритета является серьезным препятствием для конструктивного диалога. Второе — уже на этом этапе стороны попытались включить в обсуждение фактор третьей силы.

Как подсказывал опыт ликвидации атомной монополии США, у Советского Союза имелось два пути нивелирования американского превосходства в ядерной сфере: военно-технический (создание в СССР потенциала, сопоставимого с американским) и политико-правовой (разоружение). Выбор был сделан в пользу движения по обоим направлениям одновременно.

Первый путь был осложнен тем, что решение задач, обозначенных Постановлением от 4 апреля 1961 г., грозило сильно затянуться, поскольку одни новые технологии предстояло осваивать, а другие — еще только создавать. Всё это не могло не вызывать тревогу. Кроме того, в руководстве Министерства обороны СССР существовали серьезные сомнения в целесообразности симметричного ответа на рывок администрации Дж. Кеннеди — массового развертывания лег-

¹⁶ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1963–67 Defense Program and 1963 Defense Budget. February 14, 1962 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19641968DefenseProgramand1964DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

ких МБР с зарядами относительно небольшой мощности [Мозжорин, 2000: 124]. Речь шла не только об изготовлении сотен новых ракет, но также о строительстве стартовых позиций, создании необходимой инфраструктуры (как боевой, так и социальной), формировании новых воинских частей, обучении военнослужащих и т.д.

Неудача первой попытки воспроизведения американского пути побудила советское руководство искать асимметричные варианты ответа на вызов со стороны США. Альтернатива была предложена в виде развертывания небольшого количества тяжелых ракет с зарядами значительной мощности. Такие ракеты должны были преодолевать американскую систему противоракетной обороны (ПРО) и доставлять мощные заряды в любую точку земли. Сами ракеты были дороже, но существенно сокращались все сопутствующие расходы и трудности. Эта альтернатива была привлекательна и для разработчиков ракетной техники, поскольку тяжелые ракеты позволяли одновременно решать амбициозные задачи в космосе, что в тот период было напрямую связано с политическими позициями страны. Постановлением от 16 апреля 1962 г. предписывалось «сосредоточение сил и ресурсов на создании важнейших образцов межконтинентальных баллистических и глобальных ракет и носителей тяжелых космических объектов»¹⁷.

Второй путь, политико-правовой, предполагал начало содержательного обсуждения перспективы разоружения, т.е., по сути, возвращение к инициативе, озвученной Н.С. Хрущёвым в ООН в сентябре 1959 г. Первый шаг к такому обсуждению был сделан в Вене, и уже тогда американская сторона выразила намерение вовлечь Китай в обсуждение проблем контроля над вооружениями. Решить эту задачу планировалось руками Москвы, но добиться этого не удалось [Богатуров, 1997]. Советские руководители прекрасно понимали, что им отводится роль инструмента в руках Вашингтона со всеми вытекающими репутационными издержками, значение которых резко возрастало в усиливавшейся полемике с КНР.

Вместе с тем обсуждение проблем разоружения в двустороннем формате было успешным, несмотря на то что переговоры проходили

¹⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 апреля 1962 г. № 346-160 «О важнейших разработках межконтинентальных баллистических и глобальных ракет и носителей космических объектов» // Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: Издательство РТСофт, 2008. С. 204–206.

на фоне развернувшегося Берлинского кризиса. Их результатом стало «Совместное заявление о согласованных принципах в качестве основы для многосторонних переговоров по разоружению», вошедшее в историю как «соглашение Зорина–Макклоя» и внесенное в ООН в качестве совместной инициативы СССР и США. Для реализации наметившегося тогда шанса достичь соглашения о всеобщем и полном разоружении резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 1722 (XVI) от 21 декабря 1961 г. был образован «Комитет 18 государств»¹⁸. В его состав вошли представители пяти членов ОВД: СССР, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии; пяти членов НАТО: США, Великобритании, Франции, Канады и Италии; а также восьми нейтральных и неприсоединившихся стран: Индии, Бирмы, Египта (ОАР), Эфиопии, Нигерии, Бразилии, Мексики и Швеции.

Никогда — ни до, ни после этого — стороны не подходили так близко к реализации идеи разоружения. Обе сверхдержавы тогда официально заявили о своем согласии с принципом всеобщего и полного разоружения и необходимостью заключения соответствующего договора. Пойдя на взаимные уступки, СССР и США в первый и последний раз согласовали общий подход, но реализовать этот проект, однако, не удалось. Обе стороны двигались по двум направлениям одновременно, обсуждая разоружение и развивая свои ядерные силы, и при этом не собирались отказываться от политических задач в рамках холодной войны. Это не могло не привести к кризису, случившемуся в октябре 1962 г.

Уроки Карибского кризиса и нераспространение ядерного оружия

Карибский кризис заставил военно-политическое руководство США и СССР всерьез задуматься о последствиях массированного применения ЯО. Это стимулировало как поиск путей предотвращения подобных конфликтных ситуаций в условиях продолжавшейся холодной войны, так и выработку взглядов на возможности минимизации потенциального ущерба.

¹⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1722 (XVI) от 20 декабря 1961 г. «Вопрос о разоружении» // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/1722%28XVI%29> (дата обращения: 10.03.2023).

Первое предполагало в том числе противодействие ядерному распространению для уменьшения количества автономных центров принятия решений в ситуациях с возможным задействованием ЯО. Второе, как и до кризиса, представляло одновременное движение по пути наращивания вооружений и поиск способов их сокращения вплоть до ликвидации.

В США «минимизация ущерба» (*damage limitation*) была официально озвученной целью стратегии, закрепленной в новом плане применения ядерных сил SIOP-63, разработанном к началу 1962 г. Сценарий «массированного возмездия» в виде ударов по городам противника был не отвергнут, а дополнен другими вариантами использования ядерных сил. Их применение эшелонировалось, а ситуация должна была удерживаться в рамках ограниченных по масштабам ударов, что и составляло «гибкость» реагирования. Данная идеология определяла содержание планов применения ядерных сил США почти полтора десятилетия — до середины 1970-х годов.

При этом главным противником по-прежнему рассматривалась коалиция СССР и Китая, что было отражено в принципах нацеливания. В качестве «задачи № 1» в документе указывалось «уничтожение или нейтрализация китайско-советских средств доставки ядерного оружия»¹⁹. Что примечательно, формулировка «китайско-советские средства» использовалась в то время, когда КНР еще не приобрела собственное ЯО. Конечно, сказывалась инерция мышления 1950-х годов, но при этом оговаривалось, что при определенных политических обстоятельствах объекты КНР и других государств — союзников СССР могут быть исключены из списка целей²⁰. Подобные оговорки сохранились и в следующем варианте плана применения СЯС — SIOP-64, принятом в 1964 г.²¹

Основное содержание новой стратегии было изложено Р. Макнамарой в течение 1962 г.: в закрытом варианте — в его ежегодном

¹⁹ History of the Joint Strategic Target Planning Staff: Preparation of SIOP-63 // The National Security Archive. January 1964. P. 14. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb236/SIOP-63.pdf> (accessed: 10.03.2023).

²⁰ Ibidem.

²¹ U.S. nuclear war plan option sought destruction of China and Soviet Union as 'viable' societies / Ed. by W. Burr // The National Security Archive. 15.08.2018. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2018-08-15/us-nuclear-war-plan-option-sought-destruction-china-soviet-union-viable-societies> (accessed: 10.03.2023).

докладе Конгрессу в феврале²² и на сессии Совета НАТО в Афинах в мае²³, в открытом — в Мичиганском университете в Анн-Арборе в июне²⁴. В открытом варианте принцип «ограничения ущерба» выглядел следующим образом: «Главной военной целью в случае атомной войны <...> должно быть уничтожение вооруженных сил противника, а не его гражданского населения. Иными словами, мы даем вероятному противнику сильнейший мыслимый стимул воздерживаться от ударов по нашим городам»²⁵. Заявленное «исключение городов» означало не что иное, как нанесение первыми разоружающего удара, что при одновременном развитии ПРО лишало противника возможности осуществить возмездие.

План SIOP-63 вступил в силу 1 августа 1962 г., а 14 сентября с его содержанием был ознакомлен Дж. Кеннеди на специальном брифинге. Именно этот документ был «руководством к действию» во время Карибского кризиса. При этом тот факт, что план не предусматривал иных вариантов, кроме применения ядерных зарядов в количествах, измеряемых тысячами единиц, сыграл двоякую роль. С одной стороны, Дж. Кеннеди пришлось выбирать между урегулированием и глобальной катастрофой, что заставило его отказаться от намерения нанести удар по Кубе. С другой стороны, исход кризиса показал, что только убедительное превосходство в силах и эскалационное доминирование заставляют противника уступать. Поэтому строительство ядерных сил США после 1962 г. продолжилось, причем с нарастающим темпом.

Наращивание стратегических вооружений в первые два года правления Дж. Кеннеди было только подготовкой рывка, начавшегося в 1963 г., уже после кризиса. Внесенный в Конгресс проект

²² Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1963–67 Defense Program and 1963 Defense Budget. February 14, 1962 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19641968DefenseProgramand-1964DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

²³ Statement made on Saturday 5 May by Secretary McNamara at the NATO ministerial meeting in Athens // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB159/usukconsult-16c.pdf> (accessed: 10.03.2023).

²⁴ McNamara R.S. Defense Arrangements of the North Atlantic Community. Address at commencement exercises at the University of Michigan. Ann Arbor, June 16, 1962 // The Department of State bulletin, 1962. Vol. XLVII. No. 1202. P. 67. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293008121679;view=1up;seq=67> (accessed: 10.03.2023).

²⁵ Ibidem.

бюджета на 1964 фин. г. содержал запрос средств на закупку 150 МБР новой модификации Minuteman II (т.е. доведение общего количества до уровня 950 ракет)²⁶. Бюджетная заявка администрации на 1965 фин. г. предусматривала расходы на СЯС в размере 5,3 млрд долл., в том числе на закупку еще 50 МБР Minuteman с доведением общего количества ракет этого типа до 1000 единиц (резервировалась возможность дополнительно развернуть в будущем еще 200–300 МБР). Запрашивались также средства на производство еще 6 ПЛ для доведения их суммарного количества до 41 лодки с 656 БРПЛ Polaris²⁷.

Развертывание СЯС США в соответствии с этими планами велось в 1963–1964 гг. беспрецедентными темпами — в среднем по одной ракете в день и по одной ПЛ в месяц. Последняя, 1000-я МБР Minuteman была поставлена на боевое дежурство 21 апреля 1967 г., 41-я ПЛ с ракетами Polaris вышла на боевую службу 3 октября 1967 г. На этом завершилось ракетное строительство 1960-х годов, определившее облик СЯС США почти до конца холодной войны. Стратегические силы в сжатые сроки достигли уровня в 1710 баллистических ракет наземного и морского базирования и несколько сотен тяжелых бомбардировщиков. Если учитывать снятые к тому времени с вооружения МБР первого поколения, то этот показатель почти вдвое превышал планы администрации Д. Эйзенхауэра. По компонентам триады рост составлял: по МБР — почти в два раза, по числу ПЛ — почти в три раза. Суммарный мегатоннаж СЯС США также почти утроился.

При определении количественных показателей СЯС учитывались оценки американской разведки, согласно которым Советский Союз должен был иметь к концу 1960-х годов от 350 до 650 МБР, что давало США превосходство от двукратного до четырехкратного [Freedman,

²⁶ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1964–68 Defense Program and 1964 Defense Budget. April 24, 1963 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19641968DefenseProgramand1964DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

²⁷ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before a Joint Session of the Senate Armed Services Committee and the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1965–69 Defense Program and 1965 Defense Budget. February 3, 1964 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19651969DefenseProgramand1965DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

1977: 101]. При том уровне точности, которые имели тогда МБР, это гарантировало нанесение по СССР обезоруживающего удара, что и требовалось для реализации концепции ядерного сдерживания, получившей название «ограничение ущерба».

В Советском Союзе при анализе итогов кризиса был, видимо, сделан тот же самый вывод: только превосходство в силах заставляет противника отступить. Из этого вытекала задача скорейшего достижения стратегического паритета с США, что потребовало вновь пересмотреть ранее принятые военно-технические решения. Предложение «сложить все яйца в одну корзину» — сделать ставку на создание мощных тяжелых ракет — было связано с определенным риском. Относительно небольшое количество таких ракет могло быть уничтожено внезапным ударом противника, имевшего значительное количественное превосходство. Ликвидировать эту опасность можно было либо повышением живучести тяжелых МБР, что было возможно технически, но стоило очень дорого, либо разработкой более дешевых, но то же время живучих ракет для массового развертывания. В итоге политическое руководство СССР выбрало смешанный вариант структуры РВСН, в котором сочетались тяжелые и легкие МБР, шахтные пусковые установки и мобильные ракетные комплексы. Эта структура сохраняется и в настоящее время.

Поскольку создание «советской Minuteman» (ракеты РТ-2) затягивалась, было принято иное решение — «Minuteman по-советски» — массовое развертывание легких МБР УР-100 на жидком топливе. Процесс этот начался в ноябре 1966 г., а наиболее высокими темпами шел в 1967 г., когда в состав РВСН было введено 290 ракет УР-100 и 78 ракет Р-36 [Ракетный щит Отечества, 1999: 80], т.е. в среднем по одной ракете в день — как в США в 1963–1964 гг. В результате в 1968 г. по количеству МБР СССР сравнялся с США, развернув к тому времени 1010 ракет [Ракетный щит Отечества, 1999: 80].

После достижения паритета у сторон наконец появился общий интерес в вертикальном измерении ядерного распространения. Его отсутствие в начале 1960-х годов не позволило реализоваться шансу на разрядку после Карибского кризиса. «Соглашение Зорина–Макклоя» по-прежнему лежало в «Комитете 18 государств», но быстро проявилось стремление администрации Дж. Кеннеди увязать разоруженческую проблематику с решением общеполитических задач ведения холодной войны. Выступая 10 июня 1963 г. на выпускной церемонии в Американском университете, президент подчеркнул,

что стремится к достижению «подлинного мира» и в этом интересы США и СССР совпадают. Но при этом он заявил, что «США не пойдут ни на какую сделку с Советским Союзом за счет других народов», пояснив: «...цель политики США — убедить Советский Союз, что он должен позволить каждому народу самому выбирать свое будущее»²⁸. Это означало, что условием реализации идеи всеобщего разоружения должен был стать демонтаж политической системы как в странах Восточной Европы, так и в самом СССР.

Таким образом, реализация идеала разоружения откладывалась на отдаленную перспективу. Советская сторона не могла согласиться на американские условия, но и отказаться от самой цели разоружения также было нельзя, поскольку соответствующее положение было включено в текст Программы КПСС, принятой XXII Съездом в 1961 г. В результате на смену попыткам осуществить идею «всеобщего и полного разоружения» пришел курс на реализацию частных мер по «контролю над вооружениями», шагов, блокирующих гонку вооружений в отдельных измерениях — вертикальном (включающем два компонента: количественный и качественный рост арсеналов) и горизонтальном (пространственное распространение оружия).

В вертикальном измерении достижение стратегического паритета стало основой для выработки первого Договора ОСВ. В горизонтальном измерении общий интерес у двух сверхдержав появился значительно раньше, но с существенным различием в подходах к приоритетам и методам противодействия процессам распространения.

Перспектива расползания ЯО вызывала всё большее беспокойство у лидеров сверхдержав, ибо появление новых центров силы, входящих в ядерный клуб, несомненно, усиливало дестабилизирующие начала в международных отношениях, увеличивало их непредсказуемость, а главное — подтачивало особые позиции СССР и США. Эта тема после Карибского кризиса стала привлекать к себе всё более пристальное внимание руководства обеих стран, особенно Соединенных Штатов.

Процесс горизонтального распространения ЯО мог существенно изменить соотношение сил в ключевых для интересов США регионах, и это определяло высокий приоритет мер по противодействию

²⁸ Commencement Address at American University in Washington. Washington, D.C., June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610> (accessed: 10.03.2023).

в рамках политики администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Обозначив впервые эту проблему в послании Конгрессу в январе 1961 г. (см. ранее), Дж. Кеннеди вернулся к ней в своих публичных речах после Карибского кризиса. Выступая на пресс-конференции 21 марта 1963 г., он представил следующий прогноз: «Меня преследует такое чувство, что если нам не удастся [остановить процесс распространения], то вместо четырех нынешних к 1970 г. в мире может быть 10 ядерных держав, а к 1975 г. — 15 или 20. <...> Существует вероятность, что в 1970-х годах президент США столкнется с миром, в котором 15, или 20, или 25 стран будут обладать ядерным оружием»²⁹. «Чувство», преследовавшее президента, было основано на данных американских разведслужб, вскоре подготовивших специальный доклад «Национальная разведывательная оценка», в котором рассматривались перспективы и разрабатывались первичные варианты противодействия данной тенденции³⁰. Руководители СССР также не скрывали своего беспокойства тенденциями распространения. Об этом, в частности, писал Н.С. Хрущёв в послании, направленном президенту США вскоре после выступления Дж. Кеннеди³¹. И Москву, и Вашингтон особенно беспокоила перспектива вступления в ядерный клуб ФРГ и КНР соответственно.

С точки зрения администрации Дж. Кеннеди появление ЯО у Китая не несло прямой угрозы безопасности США (точнее, эта угроза парировалась потенциалом сдерживания), но могло серьезно изменить политическую ситуацию в одном из ключевых с точки зрения их интересов регионов³². Ядерный потенциал Пекина повы-

²⁹ News conference 52, Washington, D.C., March 21, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-press-conferences/news-conference-52> (accessed: 10.03.2023).

³⁰ National Intelligence Estimate Number 4-63. Likelihood and Consequences of a Proliferation of Nuclear Weapons Systems. June 28, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb401/docs/doc%201.pdf> (accessed: 10.03.2023).

³¹ Foreign relations of the United States, 1961–1963. Vol. VI: Kennedy-Khrushchev exchanges. Letter from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, October 24, 1962 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d63> (accessed: 10.03.2023).

³² U.S. Department of State Policy Planning Council. Policy Planning Statement on a Chinese Communist Nuclear Detonation and Nuclear Capability (Draft). October 15, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb488/docs/doc%2012%2010-15-63%20johnson%20study.pdf> (accessed: 10.03.2023).

шал для США риски в гипотетическом региональном конфликте, затрудняя реализацию обязательств перед союзниками и снижая эффективность сдерживания. В свою очередь это служило мощным стимулом к приобретению собственного ЯО для таких стран, как Япония, Индия, Австралия, а также для Тайваня.

Средств противодействия этой перспективе и у Вашингтона, и у Москвы было немного, поскольку китайская ядерная программа энергично развивалась и, по оценкам, в 1963 г. уже находилась на финишной прямой. Оставалось два варианта блокирования: либо с помощью международного соглашения о запрете натурных испытаний, либо силовым воздействием.

Еще в середине 1950-х годов актуальность проблемы ограничения и прекращения ядерных испытаний высветила так называемая термоядерная революция — создание водородного оружия, мощность которого принципиально не ограничена, однако практические шаги были сделаны только после Карибского кризиса, ставшего импульсом для преодоления многолетних разногласий между сторонами. Тогда за возобновление усилий по прекращению ядерных испытаний выступили и США, и СССР, но с разными подходами. Администрация Дж. Кеннеди при этом преследовала двоякую цель. Прежде всего, эта миролюбивая инициатива отвечала интересам подготовки к выборам 1964 г. О значении предвыборных соображений брат президента Р. Кеннеди откровенно говорил советскому послу³³. О второй цели американцы так откровенно не заявляли, но в СССР ее хорошо понимали.

В сфере ядерных вооружений Соединенные Штаты в тот момент имели не только количественное, но и качественное преимущество перед Советским Союзом, однако, по американским оценкам, этот разрыв должен был сокращаться по мере реализации советских программ. Таким образом, прекращение испытаний блокировало возможность совершенствования советского арсенала и консервировало американское превосходство, но руководство СССР всё же приняло политическое решение в пользу запрета, причем полного. В его основе лежало представление о том, что прекращение испытаний станет первым шагом к ликвидации ЯО и в итоге обнулит американское превосходство.

³³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 83.

Камнем преткновения в достижении договоренности о полном запрете ядерных испытаний (как и вообще в контроле над вооружениями) стала проблема верификации — проверки исполнения положений соглашения его участниками. Выходом из тупика в начале 1960-х годов могло стать промежуточное решение — не полное прекращение ядерных испытаний, а частичное (в космосе, в атмосфере, под водой), проверка которого не представляла серьезных технических трудностей.

Такое решение в начале 1963 г. было большой политической проблемой для советского руководства, публично отстаивавшего позицию о всеобъемлющем запрете испытаний. Урегулирование Карибского кризиса на американских условиях воспринималось в СССР как вынужденное отступление, на чем в то время спекулировали в Пекине в рамках полемики с КПСС.

Согласие вслед за этим на решение крупной международной проблемы на условиях, предлагавшихся США и Великобританией, могло выглядеть как очередное отступление Москвы под давлением Вашингтона. Тем не менее политическая воля руководителей трех держав позволила найти решение.

Сначала президент США Дж. Кеннеди и премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан направили председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущёву идентичные послания, в которых выразили готовность прислать в Москву своих специальных представителей для выработки компромиссного решения. Следует отметить, что в рассматриваемый период заметную роль в выработке и реализации подходов к ограничению вооружений продолжала играть Великобритания. Это проявилось и в московских переговорах 1963 г., и в последующем — при выработке проекта ДНЯО и усилиях по вовлечению в договор наиболее очевидных кандидатов на вступление в ядерный клуб (см. ниже).

Хотя внешне это выглядело как ослабление биполярности, участие Лондона отвечало интересам и Вашингтона, и Москвы. Для США это было демонстрацией особых отношений с наиболее близким союзником, а с точки зрения СССР такой формат можно было интерпретировать как возрождение «Большой тройки» 1943–1945 гг., формировавшей новый мировой порядок, т.е. решение насущных проблем международной безопасности не выглядело «сговором двух сверхдержав», что также было важно в полемике с Пекином.

Своим представителем на переговорах в Москве Дж. Кеннеди назначил заместителя государственного секретаря А. Гарримана; инструкции ему были утверждены после совещания Совета национальной безопасности под руководством президента 10 июля 1963 г.³⁴ Великобритании представлял министр науки и технологий лорд Хейлшем. Переговоры состоялись в Москве в июле — начале августа. В их ходе советская сторона сняла свое условие об увязке будущего договора с заключением соглашения между военными блоками в Европе, было также решено оставить за скобками самый сложный вопрос — о верификации [Смирнов, Тимербаев, 2001].

Сделанные уступки позволили прийти к соглашению о запрете ядерных испытаний в трех сферах. В результате Договор был подписан 5 августа 1963 г. и действует до сих пор³⁵. По оценке МИД России, он «стал первым шагом на пути сдерживания гонки ядерных вооружений, за которым последовали многие другие»³⁶. Следует отметить, что среди участников Договора в настоящее время — такие государства, как Израиль, Индия и Пакистан (не подписавшие ни ДНЯО, ни Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)), но он до сих пор не подписан двумя официальными ядерными державами — Францией и КНР.

Поскольку привлечь Пекин к обсуждению проблемы ядерных испытаний в 1963 г. не удалось (там вполне справедливо усматривали в этом попытку сверхдержав блокировать реализацию китайской ядерной программы), в Вашингтоне начали рассматривать и иные

³⁴ Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. VII. Arms Control and Disarmament. Instructions for the Under Secretary of State for Political Affairs (Hariman). July 10, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d319> (accessed: 10.03.2023); Memorandum for the Record. July 10, 1963 // Ibidem. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d320> (accessed: 10.03.2023); Memorandum of Conversation. July 10, 1963 // Ibidem. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d321> (accessed: 10.03.2023).

³⁵ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, 5 августа 1963 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762782/ (дата обращения: 10.03.2023).

³⁶ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на церемонии открытия памятной доски на Доме приемов МИД России, Москва, 1 декабря 2015 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.12.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1519398/ (дата обращения: 10.03.2023).

варианты, включая меры силового противодействия, к осуществлению которых предполагалось привлечь Тайвань и СССР [Whitlark, 2021: 62–116].

В США, не зная подробностей, в целом представляли ту роль, которую играл Советский Союз в создании оборонных отраслей промышленности Китая, и рассчитывали этим воспользоваться, полагая, что Москва не только заинтересована в отсрочке вступления КНР в ядерный клуб, но и располагает ценной информацией.

В этом свете совершенно неслучайным выглядит назначение представителем США на московских переговорах по ядерным испытаниям в июле 1963 г. именно А. Гарримана — опытного дипломата, хорошо известного в Советском Союзе благодаря своей деятельности во время Великой Отечественной войны, которому можно было доверить деликатную миссию. Кроме того, сам А. Гарриман был сторонником сотрудничества с СССР в противодействии китайской ядерной программе, о чем свидетельствуют предложения, подготовленные им для Дж. Кеннеди³⁷.

Пытаясь привлечь Москву на свою сторону, в Вашингтоне рассчитывали достичь сразу двух целей: чужими руками ликвидировать ядерную программу Пекина и углубить советско-китайские противоречия, оставаясь при этом в стороне. Это хорошо понимали руководители СССР, считавшие, что трудности во взаимодействии с КНР временные, а участие в предлагаемых американцами операциях может перечеркнуть надежды на восстановление отношений, а значит, и единства в мировом коммунистическом движении. Таким образом, Советский Союз выступал за контрраспространение, но не любой ценой. Кроме того, с точки зрения Москвы, главной угрозой тогда было приобщение к ЯО не Китая, а ФРГ, в том числе через МЯС НАТО, но никаких встречных шагов, способных снять эту озабоченность, Вашингтон в то время не предлагал.

Советский Союз от сотрудничества с США отказался, а Тайвань существенной помощи оказать не мог, хотя именно с территории острова производились разведывательные полеты самолетов U-2 в целях сбора

³⁷ Under Secretary of State for Political Affairs W. Averell Harriman to President John F. Kennedy, 23 January 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB38/document5.pdf> (accessed: 10.03.2023); Averell Harriman account of meeting with JFK, June 23, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2014/12/seaborg-diary-21-june-1963.pdf> (accessed: 10.03.2023).

информации о ходе реализации ядерных и ракетных программ КНР (часть полетов осуществляли пилоты гоминьдановских ВВС).

16 октября 1964 г., произведя свое первое испытание, Китай вступил в ядерный клуб, став пятым его членом. Нельзя сказать, что это было неожиданно, — такое событие прогнозировалось, но оно произошло, когда великие державы были связаны собственными проблемами: США втягивались в войну во Вьетнаме, а в СССР и Великобритании была смена власти. Более важным было не время этого события, а его последствия, а именно многоплановое воздействие на судьбу проблемы нераспространения ЯО.

На пути к ДНЯО и ОСВ

Успех Китая, воспринимавшегося как страна с ограниченными возможностями, подстегнул желание его соседей создать собственное ЯО. В первую очередь это касалось Тайваня, Индии, Японии и Австралии³⁸. В отношении двух последних — своих союзников по военно-политическим блокам — США имели мощный рычаг давления и дали понять руководителям этих государств, что обретение собственного ЯО лишит их американских гарантий безопасности. В итоге, несмотря на ряд колебаний (особенно сильных в Австралии), рычаг сработал и оба государства присоединились к ДНЯО, хотя и не сразу.

В отношении Тайваня администрации Л. Джонсона действовать было сложнее. Просто так лишить его гарантий было невозможно, в том числе по внутривнутриполитическим причинам (наличие «формозской резолюции»). Согласиться на приобретение Тайбэем собственного ЯО также было нельзя. Даже без него политика Чан Кайши могла вовлечь Вашингтон в нежелательный крупный конфликт с КНР. Этими соображениями, например, руководствовался Дж. Кеннеди, когда в июне 1962 г. публично высказался против очередной эскалации в Тайваньском проливе, а по конфиденциальному каналу (через посла в Варшаве) в Пекин была направлена информация о том, что в Вашингтоне не поддержат вылазку Чан Кайши, рассчитывавшего использовать трудности КНР (последствия «Большого скачка») для реализации намерения «вернуться на материк». В итоге Третий тай-

³⁸ National Intelligence Estimate Number 4–63. Likelihood and Consequences of a Proliferation of Nuclear Weapons Systems. June 28, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb401/docs/doc%201.pdf> (accessed: 10.03.2023).

ваньский кризис не состоялся, а он мог сформировать совершенно иной контекст событий вокруг Кубы. Администрации Л. Джонсона приходилось оценивать перспективу ядерного распространения с учетом уже начавшейся эскалации во Вьетнаме (вступление Китая в ядерный клуб почти совпало с Тонкинской резолюцией). В результате дипломатического давления Тайвань дисциплинированно присоединился к ДНЯО в 1969 г.

Убедить Индию не удалось до сих пор. Это государство не только не было связано какой-либо блоковой дисциплиной, но, напротив, выступало одним из лидеров Движения неприсоединения, и соображения престижа и статуса (помимо интересов безопасности) играли не последнюю роль. Престижу Индии был нанесен сильный удар именно Китаем, ее соперником в борьбе за лидерство в «третьем мире». Одержав в 1961 г. крупную политическую победу — ликвидировав силовым путем португальские анклавы (что не только поставило точку в колониальной истории, но и показало пример другим), Индия на следующий год потерпела унижительное поражение от Китая в пограничном конфликте, не сумев отстоять суверенитет над частью своей территории. При этом в октябре 1962 г. Дж. Кеннеди не откликнулся на отчаянные призывы о помощи со стороны Дж. Неру, включавшие в том числе просьбу об отправке стратегических бомбардировщиков B-47 [Riedel, 2015].

После закончившейся «вничью» войны 1965 г. всё активнее с Китаем сотрудничал Пакистан, причем для Пекина передача ему ядерных технологий выступала одним из средств закрепления статуса великой державы наряду с прагматическими соображениями о создании сильного противовеса Индии [Сотников, 2003].

Причины заинтересованности индийского руководства в создании собственного ЯО были очевидны для сверхдержав, но эффективными инструментами воздействия на позицию Дели они не располагали. В этих условиях проявила инициативу Великобритания, с одной стороны, сохранявшая тесные связи с индийской элитой, а с другой — еще стремившаяся играть в мировой политике роль, соответствующую статусу великой державы. В качестве средства отвлечения Дели от намерения вступить в ядерный клуб Великобритания предложила участие в проекте многосторонних «Ядерных сил Содружества», сконструированных по образцу МЯС НАТО (другими адресатами этого проекта была Австралия и Пакистан) [Schrafstetter, 2002].

Несмотря на активные дипломатические усилия, предпринимавшиеся Лондоном в 1964–1968 гг., данная инициатива успеха не имела и разделила судьбу своего европейского прототипа, а Индия в итоге стала ядерной державой и до сих остается вне ДНЯО. Несчастливой оказалась и судьба прототипа «Сил Содружества» — программы создания МЯС НАТО, а событием, которое косвенным образом привело к закрытию проекта, стало вступление в ядерный клуб Китая.

Данная программа НАТО была призвана решить двоякую задачу. С одной стороны, она могла способствовать преодолению «кризиса доверия» в альянсе [Пилько, 2007]. С другой стороны, и это хорошо видели в Советском Союзе, проект предполагал «контролируемое приобщение» к ЯО союзников США, не скрывавших свои ядерные амбиции. После вступления в ядерный клуб Франции первое место среди таких союзников занимала ФРГ, второе — Италия [Борисова, 2014].

Проект МЯС НАТО активно продвигался Госдепартаментом США при сопротивлении военного ведомства и Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (о причинах сдержанного отношения Министерства обороны и Комитета начальников штабов к МЯС см.: [Kaplan, 2006: 390–396]). В течение 7 лет своего существования (1959–1965) проект претерпел ряд трансформаций, и в окончательной редакции это должна была быть группировка из 25 надводных кораблей-ракетоносцев с 8 ракетами Polaris на каждом. По своему внешнему виду корабли не должны были отличаться от обычных торговых судов, поэтому помимо политических аспектов проект МЯС в таком виде вызывал озабоченность в СССР и по причинам военно-технического порядка. По оценке советских специалистов, подобные корабли, находясь на боевом патрулировании в зонах интенсивного судоходства в Атлантике и на Средиземном море, должны были обладать высокой скрытностью, поскольку их обнаружение и распознавание среди нескольких тысяч других судов, ежедневно находящихся в тех же районах, представляли трудноразрешимую задачу [Васильев, 1997: 26].

Это означало, что НАТО получит 200 зарядов мегатонного класса (половина количества, которое Р. Макнамара позднее озвучил как уровень «неприемлемого ущерба»³⁹), и отслеживать их местонахождение Советскому Союзу будет крайне проблематично. В слу-

³⁹ Remarks by Secretary of Defense Robert McNamara, September 18, 1967 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1967. Vol. 23. No. 10. P. 26–31.

чае оснащения кораблей МЯС ракетами создававшейся в то время модификации Polaris АЗ количество зарядов на них бы утроилось (хотя мощность каждого стала бы меньше). При этом дальность полета ракет возрастала до 4600 км, что отодвигало рубежи пуска от территории СССР и еще больше усложняло противодействие.

Расширение ядерного клуба в 1964 г. дало новый импульс спорам вокруг проекта МЯС. Именно после китайского испытания в октябре 1964 г. у руководства США и СССР возникло понимание, что в интересах обеих стран искать взаимоприемлемое решение проблемы нераспространения ЯО. И явно неслучайно, что именно в это время по данной теме между двумя сверхдержавами начался прямой диалог.

В отличие от предыдущего расширения ядерного клуба, когда в него вступила Франция, ядерной державой стало государство с особой политической и стратегической культурой, придерживавшееся радикального внешнеполитического курса. В 1962 г., во время Карибского кризиса, два лидера смогли договориться с большим трудом и при постоянном риске срыва в эскалацию. При этом неизбежно возникали вопросы: а если бы участников кризиса было больше? Или если бы среди них было такое государство, как маоистский Китай? Подобные вопросы убеждали руководителей обеих сверхдержав в необходимости активизировать усилия по противодействию пространственному распространению ЯО.

Таким образом, если в начале 1960-х годов обе стороны — США и СССР — были заинтересованы в контрраспространении, но не любой ценой, то после 1964 г. Китай убедил их, что договариваться надо уже на любых условиях, причем для Вашингтона речь шла прежде всего о судьбе проекта МЯС НАТО.

Через две недели после китайского испытания, 1 ноября 1964 г., в США решением президента Л. Джонсона была образована специальная рабочая группа — Комитет по ядерному распространению во главе с Р. Гилпатриком (во время Карибского кризиса он был заместителем министра обороны и считается автором идеи морской блокады Кубы). Среди членов группы были также Дж. Макклой и бывший директор ЦРУ А. Даллес. Задачами Комитета были обсуждение новой ситуации, возникшей после вступления КНР в ядерный клуб, и выработка предложений по дальнейшим действиям США.

Свой доклад президенту «Комитет Гилпатрика» представил 21 января 1965 г.⁴⁰

По мнению авторов доклада, китайское испытание показало, что создание ЯО доступно государствам со средними возможностями, но крупными политическими амбициями⁴¹. Следовательно, ситуация с ядерным распространением становилась настолько угрожающей, что настоятельно необходимо было достичь договоренности с Советским Союзом по вопросам противодействия такому развитию событий, но для этого требовалось пойти на серьезную уступку — снять озабоченности СССР в отношении стремлений ФРГ, прикрытием которых служил проект МЯС.

Члены «Комитета Гилпатрика» отмечали, что если условием участия Москвы в выработке договора о нераспространении будет отказ от планов создания ядерных сил НАТО, то с этим следует согласиться. Еще одно предложение касалось диалога с СССР об ограничении ядерных вооружений в двустороннем порядке. Но Л. Джонсон не подписал приложенный к докладу проект президентской директивы и далеко не сразу принял рекомендации рабочей группы.

В борьбе ведомств вокруг проекта МЯС президент в то время склонялся к позиции Государственного департамента, продвигавшего свою идею как оптимальный способ управления ядерными амбициями союзников по НАТО и утверждавшего, что в случае отказа от этого плана ФРГ пойдет на сближение с Францией. Несмотря на убедительность аргументации доклада «Комитета Гилпатрика», идти на уступку Советскому Союзу по ключевому пункту разногласий за счет интересов одного из ближайших союзников в условиях обострения международной обстановки (именно в тот период происходила эскалация Вьетнамской войны) Л. Джонсон был не готов.

Кроме того, большего внимания требовал вызов со стороны СССР, подрывавший основу ядерной стратегии США — убедительное количественное превосходство. Успехи в развитии РВСН ликвидировали как возможность нанесения по Советскому Союзу обезоруживающего удара, так и надежды на «ограничение ущерба» с помощью ПРО.

⁴⁰ A Report to the President by the Committee on Nuclear Proliferation, January 21, 1965 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB1/docs/doc07.pdf> (accessed: 10.03.2023).

⁴¹ Ibid. P. 3.

Уроки Карибского кризиса свидетельствовали об актуальности проблемы защиты от ракетного удара, а проведенные в 1961–1962 гг. полигонные испытания создававшейся системы ПРО Nike Zeus показали ограниченность ее возможностей и необходимость применения более совершенных технологий. Вскоре после завершения кризиса, 5 января 1963 г., Р. Макнамара распорядился начать проектирование новой системы, получившей название Nike X [ABM research and development at Bell laboratories..., 1975: 1–50]. В ее состав были введены новые типы радиолокационных станций с фазированными антенными решетками, повышавшие эффективность обнаружения и сопровождения целей, а также второй (ближний) эшелон перехвата со сверхскоростными ракетами Sprint. Перехватчик дальнего эшелона Spartan был заимствован из Nike Zeus, но в новой системе оба типа ракет размещались под землей, в шахтных пусковых установках, поскольку иначе у противника появлялся стимул начать первый ядерный удар с подавления средств ПРО.

Одновременно возникали и новые препятствия. Во-первых, росло количество потенциальных целей в связи с ростом наступательных возможностей противника. Во-вторых, в США уже в 1962 г. была завершена работа по созданию средств преодоления ПРО, а испытания показывали, что обеспечить надежную селекцию боевых блоков и ложных целей невозможно. В результате одновременно росли и оценки стоимости, и сомнения в эффективности не только Nike X, но и возможностей контрсдерживания в целом.

В этой связи Р. Макнамара поручил провести дополнительные расчеты для определения оптимального результата по критерию «стоимость/эффективность» распределения ресурсов между пятью различными программами контрсдерживания: строительство убежищ для населения, система ПРО Nike X, контрсиловые удары по ракетным базам СССР, наступательные операции против советских ПЛ в море, развитие системы противовоздушной обороны Северамериканского континента (NORAD).

Результаты этой работы, известной по имени ее руководителя как «Исследование Кента» (Kent Study) и представленной заказчику в сентябре 1964 г., показали, что ни один из рассмотренных вариантов не дает желаемого уровня «ограничения ущерба» при разумной стоимости, причем включение в анализ перспектив развития СЯС СССР усугубляло ситуацию. Содержание основных результатов исследования (A summary study of strategic offensive and defensive

forces of the U.S. and USSR) изложено в мемуарах его руководителя [Kent, 2008].

Проведенные расчеты возможностей создания эффективной системы ПРО показывали, что все имевшиеся планы не соответствовали приемлемым показателям по критерию «стоимость/эффективность». С одной стороны, это подталкивало Р. Макнамару к прекращению работ по системе ПРО территории страны, с другой — убеждало в необходимости стимулировать создание ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) как одного из средств преодоления ПРО противника [Buchonnet, 1976: 6]. На пути к принятию первого решения лежали серьезные препятствия — деятельность лоббистов и информация служб американской разведки, снабжавшей Л. Джонсона данными о работах по ПРО в СССР (как ясно сегодня — недостоверными).

Это побудило администрацию Л. Джонсона начать поиски такого варианта решения этой проблемы, который предполагал бы взаимный отказ США и СССР от создания систем ПРО территории страны. В итоге в декабре 1966 г. было принято компромиссное решение — выделить финансирование на создание системы Nike X, но с условием, что освоение средств будет начато только после того, как выяснится реакция Москвы на предложение обсудить ограничение систем ПРО. Такое намерение было озвучено администрацией Л. Джонсона в январе 1967 г. Удобный случай для прямого диалога руководителей двух стран представился в июне, когда на чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, созванную в связи с Шестидневной войной на Ближнем Востоке, прибыл председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

Важной, хотя и промежуточной вехой на этом пути стала советско-американская встреча в Гласборо (июнь 1967 г.). Р. Макнамара изложил главам двух государств свое понимание стратегической стабильности и попытался убедить А.Н. Косыгина в нецелесообразности создания ПРО территории страны и соответственно — о целесообразности договорного ограничения или вообще запрета таких систем. А.Н. Косыгин, однако, не имел полномочий для переговоров по этой теме, и встреча закончилась безрезультатно. Тем не менее глава правительства СССР учел аргументацию Р. Макнамары, о чем свидетельствует состоявшаяся вскоре после его возвращения из США ревизия положения дел с ПРО в Советском Союзе [Системы вооружения ракетно-космической обороны России, 2020: 296].

Нежелание советского руководства немедленно начать переговоры и тем более отказаться от своих работ по ПРО поставило демократическую администрацию США в сложное положение. От системы Nike X надо было отказываться, но просто так в одностороннем порядке закрыть проект, имевший политическую привлекательность и лоббистскую поддержку, было невозможно.

На выручку неожиданно пришел Китай, очень вовремя испытавший свою первую водородную бомбу (17 июня — за неделю до советско-американской встречи в Гласборо). В результате в сентябре 1967 г. в Сан-Франциско Р. Макнамара объявил не просто о закрытии Nike X, а об изменении концепции — вместо «плотной» системы ПРО, прикрывающей всю территорию США от советского возмездия, будет создаваться «тонкая» система, рассчитанная на ограниченный удар со стороны КНР⁴².

В Китае действительно в это время энергично развивалась ракетная программа [Тутнова, 2020]. Важной ее вехой стало испытание 27 декабря 1966 г. баллистической ракеты с реальной ядерной головной частью, что также подкрепляло аргументацию Р. Макнамары в пользу переориентации системы ПРО США. Однако в целом возможности Пекина в тот период намеренно завышались. Китай сталкивался с серьезными трудностями, и до приобретения способности доставить ядерный заряд на территорию США было еще далеко.

Как и при создании ЯО, в реализации своей ракетной программы КНР использовала помощь Советского Союза, но руководителем работ был Цянь Сюэсэнь, вернувшийся в Китай в 1955 г. после почти 20 лет учебы и работы в США в Лаборатории реактивного движения, возглавлявшейся Т. фон Карманом [Chang, 1995]. Советский Союз в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 6 декабря 1957 г. передал Китаю лицензию на производство ракеты Р-2 с дальностью 600 км, а также направил специалистов для освоения ракеты «Дунфэн» в производстве и эксплуатации [Чэнчжи, 2013].

К классу стратегических относилась баллистическая ракета «Дунфэн-2» с дальностью 1200 км, созданная на основе советской ракеты Р-5М. Именно ее модификация была испытана с ядерной боеголовкой в 1966 г., но достигать территории США она не могла. Эта задачу должна была решить МБР «Дунфэн-3», к созданию кото-

⁴² Remarks by Secretary of Defense Robert McNamara, September 18, 1967 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1967. Vol. 23. No. 10. P. 26-31.

рой собственными силами приступили в 1961 г. Ракета по уровню технологий и боевым возможностям должна была соответствовать американской Atlas и советской Р-7, но ее создатели столкнулись с неразрешимыми проблемами, и разработка была прекращена [Lewis, Di, 1992]. В результате в Китае избрали путь, отличавшийся от советского и американского, — не параллельное, а последовательное создание БРСД и МБР, постепенное наращивание дальности вплоть до межконтинентальной. Этот подход имел не только техническую, но и политическую подоплеку: противником № 1 считался СССР, угрожать которому можно было и ракетами средней дальности.

Обозначение «Дунфэн-3» было перенесено на БРСД с дальностью 2500 км, принятую на вооружение в 1975 г. [Чэнчжи, 2013]. За ней последовала «Дунфэн-4», имевшая дальность 4750 км и развертывавшаяся с конца 1970-х годов (официально принята на вооружение в 1983 г. [Чэнчжи, 2013]). Наконец, только 18 мая 1980 г. состоялось первое успешное летное испытание на полную дальность МБР «Дунфэн-5», способной достигать континентальной части США.

Угроза со стороны морских СЯС КНР в конце 1960-х годов была еще более эфемерной. Как отмечено нами ранее, китайская сторона, решительно отказавшись от советского предложения о сотрудничестве на море, настояла на реализации собственного варианта. Через полгода после тяжелых переговоров Н.С. Хрущёва с Мао Цзэдуном, 9 января 1959 г., было принято Постановление Совета Министров СССР об обеспечении строительства в КНР подводных лодок проекта 629 [Жарков, 2002: 8–9]. В сентябре 1959 г. комплект подготовленной документации в экспортном варианте был отправлен в Китай. Главным отличием от советских ПЛ такого типа был состав ракетного вооружения. В Китай были отправлены лишь ракеты Р-11ФМ без ядерной боевой части (7 единиц для 2 ПЛ). Все упоминания о более новой БРПЛ Р-13, которой оснащались советские ПЛ данного проекта, исключались из документации. В декабре 1959 г. группа советских специалистов по судостроению прибыла в КНР, и до августа 1960 г. они активно участвовали в строительстве лодок на верфи в г. Даляне (Дальний), а поставки материалов и комплектующих из СССР продолжались и после их отъезда.

Оставшись без помощи советских специалистов, китайские инженеры были вынуждены осуществлять достройку лодок самостоятельно. Столкнувшись при этом с серьезными техническими трудностями, первый корпус они смогли спустить на воду только

в 1965 г. Второй корпус вообще не достраивался и в состав флота не вводился. Главным затруднением оказалось создание собственного ракетного комплекса. Лишь 7 января 1982 г. состоялся первый успешный пуск первой китайской БРПЛ «Цзюлан» [Ray, 2021].

Таким образом, новой системе ПРО США Sentinel, которая должна была прикрыть 17 крупнейших городов страны (в них проживала почти половина американского населения), пришлось бы отражать несуществующую китайскую угрозу (нечто подобное произошло с ПРО США в XXI в., когда роль призрака сыграла мифическая иранская МБР). Тем не менее дело было сделано, призрак китайских ракет спас саму идею ПРО и соответственно заложил основу для будущего подрыва стратегической стабильности. Работы на первом комплексе системы Sentinel в районе Бостона начались уже в 1968 г. [Baucorn, 1992], но смена власти в США привела к очередному пересмотру задач и состава системы.

К тому времени изменилась ситуация в обсуждении проблем нераспространения ЯО. Соппротивление сторонников МЯС НАТО в администрации Л. Джонсона было сломлено, что открывало путь к согласованию ключевых положений будущего ДНЯО. Проекты этих положений, предлагавшиеся США в течение 1965 — первой половины 1966 г., отвергались Советским Союзом, поскольку формулировки оставляли возможности для приобщения неядерных государств к ЯО через участие в наднациональных группировках, что рассматривали в Москве как путь Западной Германии к обладанию ЯО через участие в МЯС НАТО [Тимербаев, 1999: 236–249]. Переломным в переговорном процессе стал 1966 г., когда были достигнуты принципиальные договоренности между США и СССР по положениям статей I и II будущего соглашения (соответственно обязательства ядерных держав не передавать ЯО кому бы то ни было и неядерных государств — его не принимать). К этому времени администрация Л. Джонсона, выбирая между двумя приоритетами — противодействие ядерному распространению и обязательства перед союзниками, — остановилась окончательно на первом. Союзникам вместо МЯС было предложено участие в Группе ядерного планирования, разработанной министром обороны Р. Макнамарой.

Ключевые формулировки статей I и II были согласованы непосредственно А.А. Громыко в ходе переговоров с Л. Джонсоном и Д. Раском в сентябре–октябре 1966 г., выработка остальных положений затянулась еще на полтора года. В итоге ДНЯО был 1 июля

1968 г. открыт для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне. Такой формат еще раз подчеркивал особую роль первой тройки ядерного клуба на фоне позиции, занятой остальными его членами (Франция, Китай и Израиль).

Договор не только стал краеугольным камнем современного режима противодействия ядерному распространению, но и создал предпосылки для возобновления диалога двух сверхдержав по проблемам ограничения и сокращения стратегических вооружений. В текст ДНЯО была включена статья VI, которая гласит: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»⁴³.

В день подписания ДНЯО СССР и США выступили с параллельными заявлениями о том, что в ближайшее время возобновят диалог по стратегическим вооружениям. На сентябрь 1968 г. был запланирован визит в Советский Союз Л. Джонсона, которым предполагалось дать старт переговорам. Однако ввод войск ОВД в Чехословакию 21 августа стал для Вашингтона поводом для отмены визита. Тем не менее, как отмечает Г.М. Корниенко, вскоре после публичного объявления о таком решении американской администрации был возобновлен конфиденциальный обмен мнениями в рамках подготовки к будущим переговорам⁴⁴.

В ходе этого обсуждения, состоявшегося в течение октября–ноября 1968 г., были согласованы два главных принципа. Во-первых, было решено, что подход к ограничению стратегических вооружений должен быть комплексным и включать как наступательные, так и оборонительные средства. Во-вторых, договорились, что в результате ограничений и сокращений вооружений ни одна из сторон не должна получить какое-либо преимущество. Именно на этой основе, уже при новой администрации США, 17 ноября 1969 г. в Хельсинки начались переговоры, итогом которых стало

⁴³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁴ Корниенко Г.М. Холодная война: свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 55.

подписание в Москве 26 мая 1972 г. Временного соглашения ОСВ-1 и Договора по ПРО.

Следует, однако, отметить, что в ходе переговоров по ОСВ была упущена возможность достижения договоренности, которая могла еще более радикально повлиять на международную безопасность. Речь идет об обсуждавшемся варианте одновременного запрета средств ПРО и РГЧ ИН. Сторонником такого «размена» был, в частности, глава делегации США Дж. Смит [Bunn, 1992]. Лоббисты ПРО, однако, оказались сильнее и в США, и в СССР, а одним из аргументов в пользу их позиции вновь стал призрак китайских ракет.

Так, в Советском Союзе уже после начала переговоров, в конце 1969 — начале 1970 г., была проведена очередная оценка перспектив работ в области ПРО. В созданном с этой целью совещании у секретаря ЦК КПСС Д.Ф. Устинова приняли участие представители науки, промышленности и военные [Системы вооружения ракетно-космической обороны России, 2020: 298]. Основным результатом состоявшегося обсуждения стало окончательное утверждение мнения о невозможности создания системы ПРО всей территории страны, но решение о свертывании работ по ней не было принято.

Таким образом, в СССР воспроизводилась ситуация, сложившаяся в США к концу 1966 г. Более того, одним из рассматривавшихся предложений было создание «тонкой» системы ПРО, направленной против Китая, подобно американской Sentinel [Системы вооружения ракетно-космической обороны России, 2020: 301]. Очевидно, на появление этого предложения повлияли вооруженные столкновения на советско-китайской границе весной и летом 1969 г., ставшие первым в истории вооруженным конфликтом между двумя ядерными державами, который хоть и имел ограниченный масштаб, но содержал угрозу эскалации [Гончаров, Усов, 2006; Рябушкин, 2020].

Но даже и без радикального варианта с «разменом» ПРО на РГЧ ИН выработанные в ходе переговоров по ОСВ и ПРО документы, а также советско-американские соглашения 1971 и 1973 гг. в совокупности составили неформальный кодекс поведения великих держав в ядерный век и создали условия для разрядки. Основа этого кодекса — просуществовавшая более 50 лет модель контроля над вооружениями, судьба которой должна решиться к 2026 г.

Один из вариантов решения — трансформация модели в многосторонний формат. Такой переход назрел давно. Еще на исходе холодной войны с предложением начать соответствующие переговоры

выступил Советский Союз. Изложенный в заявлении М.С. Горбачёва от 15 января 1986 г. план предусматривал достижение «Глобального нуля» в три этапа к 2000 г.: на первом — 50%-е сокращение СНВ (до уровня в 6000 зарядов), запрещение ядерных испытаний, ликвидация ракет средней дальности в Европе, прекращение Стратегической оборонной инициативы (СОИ); на втором — подключение к процессу сокращения ядерных арсеналов других ядерных держав и полную ликвидацию тактического ЯО; на третьем — «Глобальный ноль». К настоящему времени первый этап инициативы практически выполнен.

Переход к новому формату в современных условиях осложняется не только отсутствием политической воли (КНР уже неоднократно отклоняла предложения подключиться к диалогу по СНВ), но и тем, что существующая модель основана на паритете участников и отражает уже исчезнувшее биполярное противостояние двух сверхдержав. Мировая политика стала сложнее. Более того, биполярность противоречит традиционной китайской картине мира [Жданов, 2005], а роль третьей силы, которую играл Китай в рассматриваемый период, не является случайной и вполне соответствует стратегической культуре страны. Если отсутствие у КНР паритета с США и СССР в период холодной войны еще можно объяснить технико-экономическими причинами, то в настоящее время за этим стоит только осознанный политический расчет.

Отказ от паритета как базового принципа может привести к ситуации начала 1960-х годов, когда договоренности, как сказано ранее, были невозможны. Физическое выражение паритета для многосторонних отношений пока еще теорией не выработано, поэтому простора для дальнейших исследований более чем достаточно, а уроки истории могут быть ценным подспорьем в поисках.

* * *

Спустя 30 лет после окончания холодной войны в ядерной сфере сохраняется биполярность, несмотря на уменьшение отрыва России и США от остальных ядерных держав в результате глубоких сокращений СНВ. При этом такое положение дел сосуществует с формированием многополярной структуры мирового порядка. Можно ли считать это противоречием? Рассмотренные события десятилетия, ставшего ключевым в складывании всех элементов ядерного фактора в мировой политике, свидетельствуют, что биполярность не была «кристально чистой» и в тот период времени.

Холодная война не являлась исчерпывающей характеристикой международных отношений в течение четырех десятилетий XX в., поэтому сверхдержавы были вынуждены учитывать в своей ядерной политике также факторы, не относящиеся к их прямому противостоянию. В рассмотренный период важнейшим из таких факторов стал Китай, выступивший в роли третьей силы.

Начало этому процессу положила перегруппировка в 1958 г. С одной стороны, произошел фактический отказ Великобритании от части своего суверенитета, превращение ее «диады» в элемент единых американо-английских ядерных сил, находящихся под управлением Вашингтона (не в смысле повседневного руководства, а в том, что касается планирования их применения). Прямо противоположные события наблюдались в советско-китайских отношениях. Провал проекта создания совместного флота послужил рубежом, заставившим советскую сторону пересмотреть свою помощь Китаю в ракетно-ядерной сфере. Истоки этого, казалось бы, частного конфликта глубоко коренились в расхождении во взглядах на мироустройство, скрывавшемся за идеологическими спорами.

Вопрос о старшинстве «братьев навек» был напрямую связан с принадлежностью к ядерному клубу. Это означало, что попытки помешать обретению Китаем ядерного статуса будут чреваты острейшим конфликтом. В то же время фундаментальное расхождение во взглядах на мировой порядок существовало и между Пекином и Вашингтоном, что делало противодействие вступлению КНР в ядерный клуб одним из приоритетов политики США. Отклонив предложения, выдвинутые в ходе «миссии Гарримана» в 1963 г., Советский Союз открыл путь к формированию ядерной многополярности.

Вступление КНР в ядерный клуб стало не приращением совокупной мощи социалистических стран, как это представлялось до 1958 г. (по аналогии с парой США–Великобритания), а, наоборот, фактором, усложнявшим принятие решений в сфере ядерного сдерживания как для Москвы, так и для Вашингтона. С обретением Китаем ядерного статуса совпало и завершение первой разрядки, начавшейся после урегулирования Карибского кризиса. Эти события не были связаны напрямую, но очевидно, что новый статус КНР потребовал от двух сверхдержав пересмотра ряда элементов своей ядерной политики.

На смену неудачной попытке в 1963–1964 гг. решить проблему ОСВ на двусторонней основе пришел диалог по проблеме нераспространения, приведший в итоге к заключению ДНЯО. Ни СССР,

ни США не были заинтересованы во вступлении в ядерный клуб вслед за Китаем таких государств, как Индия или Япония, имеющих собственную стратегическую и политическую культуру (значение этого фактора подчеркивали уроки недавнего Карибского кризиса). Ценой ряда уступок (важнейшей из которых был отказ США от проекта МЯС НАТО) удалось частично погасить импульсы, вызванные китайскими ядерными испытаниями. В отношении самой КНР, поскольку контрраспространение не сработало, обе сверхдержавы обратились к контрсдерживанию [см.: Веселов, 2010], чтобы обесценить ее вступление в ядерный клуб, причем США это сделали открыто, заявив новую систему ПРО как «антикитайскую». Таким образом, Пекин фактически спас самую идею ПРО, создание которой к 1967 г. оказалось в тупике и в США, и в СССР. Это имело долгосрочные последствия, сказавшись и на ходе переговоров по ОСВ-1, и на дальнейшей динамике баланса наступательных и оборонительных вооружений.

Отказ в 1958 г. от плана создания совместных с Китаем сил означал, что Советский Союз в достижении паритета с США должен рассчитывать только на себя. Решение этой задачи заняло 10 лет — от развертывания в США пропагандистской кампании демократов под лозунгом «ракетного отставания» (*missile gap*), за которой последовали решения администраций Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди по строительству СЯС, до 1968 г., когда Советский Союз догнал Соединенные Штаты по числу МБР [Ракетный щит Отечества, 1999: 80], хотя по-прежнему отставал в морском и воздушном компонентах СЯС.

При этом СССР и США, установив примерное равенство между собой, намного оторвались от остальных ядерных держав в количественном и качественном отношении. Более того, именно в рассматриваемое в настоящей статье десятилетие в обеих странах были созданы системы ПРО, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, а также спутниковая разведка, ставшие реальными атрибутами сверхдержав [Кокошин, 2001].

Одновременно Москва и Вашингтон создали барьер для вступления в ядерный клуб новых членов. И стратегический паритет, и обязательства по статье VI ДНЯО привели их за стол переговоров, в ходе которых третья сила не была «пренебрежимо малой величиной». Начатая при администрации Л. Джонсона политика «наведения мостов» с превращавшимся в самостоятельный центр силы Китаем [Goh, 2004; Xia, 2006; Dobbs, 2010] создала базу, на которой

уже пришедшая к власти республиканская администрация начала использовать китайский фактор для давления на Советский Союз в переговорном процессе⁴⁵.

В современных условиях следует обратить внимание на еще один урок рассматриваемого этапа холодной войны. По оценке Г.М. Корниенко, успех диалога в ходе выработки ДНЯО был обусловлен в том числе тем, что «взаимодействие в рамках многосторонних усилий было менее подвержено негативному влиянию вьетнамского и иных подобных факторов, чем двусторонние советско-американские контакты»⁴⁶.

Опыт переговоров по контролю над вооружениями в период холодной войны свидетельствует также о том, что встречам политиков должны предшествовать совместные мозговые штурмы ученых заинтересованных стран. Выбранный в качестве рубежа 1958 г. был отмечен двумя событиями, имевшими косвенное отношение к рассматриваемой в данной статье теме, но способными послужить ценным примером в настоящее время. В июле–августе в Женеве состоялось международное совещание экспертов по проблеме контроля за ядерными испытаниями [Тимербаев, 1986: 17]. Результаты работы были оформлены в виде совместного доклада экспертов правительствам стран — участниц совещания. В ноябре–декабре там же состоялось совещание экспертов ОВД и НАТО по проблеме внезапного нападения [Хайцман, 1970: 422–429]. В данном случае не удалось достичь поставленной цели — подготовить доклад для правительств, но таким образом была начата дискуссия, в ходе которой были выработаны базовые представления о стратегической стабильности.

Сегодня назрело продолжение дискуссии по проблемам обеспечения стратегической стабильности, например, в составе представителей академических сообществ официальных ядерных держав. Мандатом такого обсуждения можно считать документы, принятые лидерами «пятерки» в 2021 — начале 2022 г. в двустороннем и многостороннем форматах⁴⁷. Следует напомнить, что признание значения стратегической стабильности (поначалу — по умолчанию, без за-

⁴⁵ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 208–214.

⁴⁶ Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 84.

⁴⁷ Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности // Официальный сайт Президента России. 16.06.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5658> (дата обращения: 10.03.2023); Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений // Официальный сайт Президента

фиксированных в соглашениях формулировок) и лежало в основе переговорного процесса по ОСВ, ПРО и СНВ в период холодной войны. Особенно важно сейчас, что удалось выработать политический документ в формате «ядерной пятерки». Это может стать шагом при формировании благоприятных внешнеполитических условий для начала содержательного обсуждения в новом формате проблем контроля над ядерными вооружениями.

Многосторонний подход к ограничению вооружений существует уже более 100 лет. В 1922 г. был заключен Вашингтонский договор пяти держав по контролю над морскими вооружениями. Его особенность, имеющая параллели в современной ситуации с ЯО, — наличие трех количественных уровней и двух паритетов. В 1923 г. пять государств Центральной Америки заключили соглашение об ограничении численности вооруженных сил, построенное по такому же «квотному» принципу. В конце 1980-х годов аналогичный подход использовали разработчики Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

В сфере ядерных вооружений проблему, скорее всего, будет представлять не поиск оптимального распределения квот, а выработка новых форм и способов контроля, поскольку существующие механизмы, включая заложенные в ДСНВ, были разработаны для ситуации паритета двух держав. В поиске новой модели может оказаться полезным опыт Договора по открытому небу с его «квотным» подходом к контрольным мероприятиям.

Поиск решений должен стать предметом возможного международного мозгового штурма. На наш взгляд, в современных условиях представители одного из национальных академических сообществ могут проявить инициативу с тем, чтобы ко времени изменения политического климата уже имелись бы проработанные варианты решения проблем контроля над ядерными вооружениями в новом формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997.

России. 03.01.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 10.03.2023).

2. Борисова К.А. Эволюция политики ФРГ в отношении проблемы распространения ядерного вооружения: от МЯС к ДНЯО (1960–1969 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 86–102.
3. Васильев А.М. Проект «Скорпион» — замаскированные надводные ракетноносцы // Тайфун. 1997. № 4. С. 26–32.
4. Верещага А.Н., Чернышёв А.К. Почему страны стремились к разработке ядерного оружия. Математическое моделирование. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2019.
5. Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 68–90.
6. Гончаров С.Н., Усов В.Н. Переговоры А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в Пекинском аэропорту // О Китае средневековом и современном / Под общ. ред. А.А. Кокошина. Новосибирск: Наука, 2006. С. 310–328.
7. Жарков В.И. Подводная лодка проекта 629 // Тайфун. 2002. № 3. С. 2–21.
8. Жданов В.Л. «Теория трех миров» Мао Цзэдуна // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах / Отв. ред. К.В. Киселёв. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 437–440.
9. Зинченко А.В. Ядерная политика Франции. М.: УРСС, 2004.
10. История отечественного судостроения: В 5 т. Т. 5: Судостроение в послевоенный период (1946–1991 гг.) / Под ред. И.Д. Спасского. СПб.: Судостроение, 1996.
11. Кирюшкин В.Д. Правда о «Кузькиной матери». Снежинск: РФЯЦ-ВНИИТФ, 2015.
12. Кокошин А.А. Сдерживание во втором ядерном веке. М.: Институт проблем международной безопасности, 2001.
13. Мозжорин Ю.А. 50 лет в ракетно-космической отрасли // Так это было: книга о Юрии Александровиче Мозжорине / Под ред. А.Д. Брусиловского. М.: Международная программа образования, 2000. С. 11–345.
14. Негин Е.А., Смирнов Ю.Н. Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? // Наука и общество. История советского атомного проекта (40–50-е годы): Труды Международного симпозиума ИСАП-96 / Гл. ред. Е.П. Велихов. М.: ИздАТ, 1997. С. 303–317.
15. Пилько А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1956–1966). М.: Издательство Московского университета, 2007.
16. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королёва. 1946–1996 / Гл. ред. Ю.П. Семёнов. Королёв: РКК «Энергия», 1996.
17. Ракетный щит Отечества / Под общ. ред. В.Н. Яковлева. М.: ЦИПК РВСН, 1999.
18. Рябушкин Д.С. Советско-китайский пограничный конфликт 1969 года. Казань: Бук, 2020.

19. Системы вооружения ракетно-космической обороны России: В 2 т. Т. 1: Системы стратегической противоракетной обороны / Под общ. ред. Ю.И. Борисова. М.: Столичная энциклопедия, 2020.
20. СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева» / Под ред. В.Г. Дегтяря. М.: Военный парад, 2007.
21. Скороспелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964). Ч. 1 // Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 9–28. DOI: 10.31857/S086919080019661-4.
22. Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний) // Ядерный контроль. 2001. Т. 7. № 1. С. 73–87.
23. Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX — начало XXI века). М.: Научная книга, 2003.
24. Тимербаев Р.М. Полное запрещение ядерных испытаний. М.: Наука, 1986.
25. Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М.: Наука, 1999.
26. Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.
27. Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения. 1945–1959: История международных переговоров. М.: Наука, 1970.
28. Чэнчжи Л. Развитие китайских космических технологий. СПб.: Нестор-История, 2013.
29. Юнгблюд В.Т., Воробьёва Т.А. Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряженности (1968–1973 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 47–57.
30. Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / Под. ред. Е.Б. Михайленко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017.
31. ABM research and development at Bell laboratories. Project history: October 1975. Part I: History of ABM development // The Stanley R. Mickelsen Safeguard Complex. 25.07.2022. Available at: <https://srmsc.org/pdf/004438p0.pdf> (accessed: 10.03.2023).
32. Baucom D.R. The origins of SDI: 1944–1983. Lawrence: University Press of Kansas, 1992.
33. Buchonnet D. MIRV: A brief history of Minuteman and multiple reentry vehicles. Livermore: Lawrence Livermore Laboratory, 1976. Available at: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/NC/mirv/mirv1_1.html (accessed: 10.03.2023).

34. Bunn G. Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians. Stanford: Stanford University Press, 1992.
35. Burr W. Sino-American relations, 1969: The Sino-Soviet border war and steps towards rapprochement // Cold War History. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 73–112. DOI: 10.1080/713999930.
36. Chang I. Thread of the silkworm. New York: Basic Books, 1995.
37. China, the United States and the Soviet Union: Tripolarity and policy making in the Cold War / Ed. by R.S. Ross. London: Routledge, 1993.
38. Debs A., Monteiro N.P. Nuclear politics: The strategic causes of proliferation. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
39. The diffusion of military technology and ideas / Ed. by E.O. Goldman, L.C. Eliason. Redwood City: Stanford University Press, 2003.
40. Dobbs C.M. Triangles, symbols, and constraints: The United States, the Soviet Union, and the People's Republic of China, 1963–1969. Lanham: University Press of America, 2010.
41. Freedman L. US intelligence and the Soviet strategic threat. London; Basingstoke: Macmillan, 1977.
42. Gavin F.J. Strategies of inhibition: US grand strategy, the nuclear revolution, and nonproliferation // International Security. 2015. Vol. 40. No. 1. P. 9–46. DOI: 10.1162/ISEC_a_00205.
43. Goh E. Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974: From 'red menace' to 'tacit ally'. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
44. Horowitz M.C. The diffusion of military power: Causes and consequences for international politics. Princeton: Princeton University Press, 2010.
45. Horsburgh N. China and global nuclear order: From estrangement to active engagement. Oxford: Oxford University Press, 2015.
46. Jones M. The official history of the UK strategic nuclear deterrent. Vol. I: From the V-bomber era to the arrival of Polaris, 1945–1964. London: Routledge, 2017.
47. Joyner D.H. International law and the proliferation of weapons of mass destruction. Oxford: Oxford University Press, 2009.
48. Kaplan L.S. History of the office of the secretary of defense. Vol. V: The McNamara ascendancy, 1961–1965. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, Historical Office, 2006. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol5.pdf?ver=2014-05-28-133758-613 (accessed: 10.03.2023).
49. Kaplow J.M. Signing away the bomb: The surprising success of the nuclear nonproliferation regime. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
50. Kent G.A. Thinking about America's defense: An analytical memoir. Santa Monica; Arlington; Pittsburgh: RAND Corporation, 2008. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP223.pdf (accessed: 10.03.2023).

51. Lanoszka A. Atomic assurance: The alliance politics of nuclear proliferation. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018.
52. Lewis J.W., Di H. China's ballistic missile programs: Technologies, strategies, goals // *International Security*. 1992. Vol. 17. No. 2. P. 5–40.
53. Lewis J.W., Litae X. China builds the bomb. Stanford: Stanford University Press, 1988.
54. Lodgaard S. Nuclear disarmament and non-proliferation: Towards a nuclear-weapon-free world? London: Routledge, 2011.
55. Lüthi L.M. Restoring chaos to history: Sino-Soviet-American relations, 1969 // *The China Quarterly*. 2012. Vol. 210. P. 378–397. DOI: 10.1017/S030574101200046X.
56. Mallard G. Fallout: Nuclear diplomacy in an age of global fracture. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
57. Marsh G.E. Crossing the red line: The nuclear option. London: World Scientific Publishing Co., 2019.
58. Mauroni A. The rise and fall of counterproliferation policy // *The Nonproliferation Review*. 2019. Vol. 26. No. 1–2. P. 127–141. DOI: 10.1080/10736700.2019.1593691.
59. Mehta R.N. Delaying doomsday: The politics of nuclear reversal. Oxford: Oxford University Press, 2020.
60. Mukherjee R. Ascending order: Rising powers and the politics of status in international institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
61. Narang V. Strategies of nuclear proliferation: How states pursue the bomb // *International Security*. 2017. Vol. 41. No. 3. P. 110–150. DOI: 10.1162/ISEC_a_00268.
62. Ray A. Tracing the undersea dragon: Chinese SSBN programme and the Indo-Pacific. London: Routledge India, 2021.
63. Riedel B.O. JFK's forgotten crisis: Tibet, the CIA, and Sino-Indian War. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2015.
64. Roberts B.H. Weapons proliferation and world order: After the Cold War. Boston: Kluwer Law International, 1996.
65. Schrafstetter S. Preventing the 'smiling Buddha': British-Indian nuclear relations and the Commonwealth nuclear force, 1964–68 // *Journal of Strategic Studies*. 2002. Vol. 25. No. 3. P. 87–108. DOI: 10.1080/01402390412331302785.
66. Smith B.C., Spaniel W. Do nonproliferation agreements constrain? // *Journal of Peace Research*. 2021. Vol. 58. No. 6. P. 1163–1177. DOI: 10.1177/0022343320971355.
67. Spaniel W. Bargaining over the bomb: The successes and failures of nuclear negotiations. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
68. Taliaferro J.W. Defending frenemies: Alliances, politics, and nuclear nonproliferation in US foreign policy. Oxford: Oxford University Press, 2019.

69. Watson R.J. History of the office of the secretary of defense. Vol. IV: Into the missile age, 1956–1960. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, Historical Office, 1997. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol4.pdf (accessed: 10.03.2023).

70. Whitlark R.E. All options on the table: Leaders, preventive war, and nuclear proliferation. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2021.

71. Xia Y. Negotiating with the enemy: US-China talks during the Cold War, 1949–1972. Bloomington: Indiana University Press, 2006.

72. Yuan J. External and domestic drivers of nuclear trilemma in Southern Asia: China, India, and Pakistan // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2022. Vol 5. No. 2. P. 296–314. DOI: 10.1080/25751654.2022.2158700.

73. Zhihua Sh., Xia Y. Between aid and restriction: Changing Soviet policies toward China's nuclear weapons program 1954–60. Working paper № 2 // Nuclear Proliferation International History Project; Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., May 2012. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/soviet_policies_twrds_chinas_nuclear_weapons_prgm_-_ver_2.pdf (accessed: 10.03.2023).

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945–1995)* [Great powers in the Pacific. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow, Konvert — MONF Publ. (In Russ.)

2. Borisova K.A. 2014. Evolyutsiya politiki FRG v otnoshenii problemy rasprostraneniya yadernogo vooruzheniya: ot MYaS k DNYaO (1960–1969 gg.) [The evolution of FRG policy on the proliferation of nuclear weapons: From MLF to NPT (1960–1969)]. *Lomonosov History Journal*, no. 5, pp. 86–102. (In Russ.)

3. Vasil'ev A.M. 1997. Proekt 'Skorpion' — zamaskirovannye nadvodnye raketnostsy [The 'Scorpion' project: Camouflaged surface launch platforms]. *Taifun*, no. 4, pp. 26–32. (In Russ.)

4. Vereshchaga A.N., Chernyshev A.K. 2019. *Pochemu strany stremilis' k razrabotke yadernogo oruzhiya. Matematicheskoe modelirovanie* [Why have states strive to develop nuclear weapons. Mathematical modeling]. Sarov. (In Russ.)

5. Veselov V.A. 2010. Yadernyi faktor v mirovoi politike: struktura i sodержание [Nuclear factor in world politics: Substance and structure]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 1, pp. 68–90. (In Russ.)

6. Goncharov S.N., Usov V.N. 2006. Peregovory A.N. Kosygina i Chzhou En'laya v Pekinskom aeroportu [Talks between A.N. Kosygin and Zhou Enlai at the Beijing Airport]. In: Kokoshin A.A. (ed.). *O Kitae srednevekovom i sovremennom*

mennom [Medieval and contemporary China]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, pp. 310–328. (In Russ.)

7. Zharkov V.I. 2002. Podvodnaya lodka proekta 629 [Project 629 submarine]. *Taifun*, no. 3, pp. 2–21. (In Russ.)

8. Zhdanov V.L. 2005. 'Teoriya trekh mirov' Mao Tszeduna [Mao Zedong's 'Three Worlds Theory']. In: Kisilev K.V. (ed.). *Politicheskaya nauka i politicheskie protsessy v Rossiiskoi Federatsii i novykh nezavisimyykh gosudarstvakh* [Political science and political trends in the Russian Federation and the newly independent states]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., pp. 437–440. (In Russ.)

9. Zinchenko A.V. 2004. *Yadernaya politika Frantsii* [France's nuclear policy]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

10. Spasskii I.D. (ed.). 1996. *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: V 5 t. T. 5: Sudostroenie v poslevoennyy period (1946–1991 gg.)* [The history of domestic shipbuilding. In 5 vols. Vol. 5: Shipbuilding in the post-war period (1946–1991)]. Saint-Petersburg, Sudostroenie Publ. (In Russ.)

11. Kiryushkin V.D. 2015. *Pravda o 'Kuz'kinoi materi'* [The truth about 'Kuzma's mother']. Snezhinsk, RFYaTs-VNIITF Publ. (In Russ.)

12. Kokoshin A.A. 2001. *Sderzhivanie vo vtorom yadernom veke* [Deterrence in the second nuclear age]. Moscow, Institut problem mezhdunarodnoi bezopasnosti Publ. (In Russ.)

13. Mozzhorin Yu.A. 2000. 50 let v raketno-kosmicheskoi otrasli [50 years in the rocket and space industry]. In: Brusilovskii A.D. (ed.). *Tak eto bylo: kniga o Yurii Aleksandroviche Mozzhorine* [So it was: A book about Yuri Alexandrovich Mozzhorin]. Moscow, Mezhdunarodnaya programma obrazovaniya Publ., pp. 11–345. (In Russ.)

14. Negin E.A., Smirnov Yu.N. 1997. Delilsya li SSSR s Kitaem svoimi atomnymi sekretami? [Did the USSR share its atomic secrets with China?]. In: Velikhov E.P. (ed.). *Nauka i obshchestvo. Istoriya sovetskogo atomnogo proekta (40–50-e gody): Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma ISAP-96* [Science and society. The history of the Soviet atomic project (40–50-ies): Proceedings of the international symposium ISAP-96]. Moscow, IzdAT Publ., pp. 303–317. (In Russ.)

15. Pil'ko A.V. 2007. 'Krizis doveriya' v NATO: al'yans na poroge peremen (1956–1966) [The 'credibility gap' within NATO: The alliance on the verge of change (1956–1966)]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)

16. Semenov Yu.P. (ed.). 1996. *Raketno-kosmicheskaya korporatsiya 'Energiya' imeni S.P. Koroleva. 1946–1996* [S.P. Korolev rocket and space corporation 'Energiya'. 1946–1996]. Korolev, RKK 'Energiya' Publ. (In Russ.)

17. Yakovlev V.N. (ed.). 1999. *Raketnyi shchit Otechestva* [Missile defense shield of the fatherland]. Moscow, TsIPK RVSNI Publ. (In Russ.)

18. Ryabushkin D.S. 2020. *Sovetsko-kitaiskii pogranichnyi konflikt 1969 goda* [The Soviet-Chinese border conflict of 1969]. Kazan', Buk Publ. (In Russ.)

19. Borisov Yu.I. (ed.). 2020. *Sistemy vooruzheniya raketno-kosmicheskoi oborony Rossii: V 2 t. T. 1: Sistemy strategicheskoi protivoraketnoi oborony* [Weapon systems of Russia's missile and space defense. In 2 vols. Vol. 1: Strategic missile defense systems]. Moscow, Stolichnaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

20. Degtyar' V.G. (ed.). 2007. *SKB-385, KB mashinostroeniya, GRTs 'KB im. akademika V.P. Makeeva'* [SKB-385, Machine-Building Design Bureau, State Rocket Center 'Academician V.P. Makeev Design Bureau']. Moscow, Voennyi parad Publ. (In Russ.)

21. Skorospelov P.P. 2022. 'Osobyi sposob osushchestvleniya vneshnei politiki putem ugrozy voinoi imperialistam'. *Voenno-politicheskaya deyatel'nost' Prezidiuma TsK pri N.S. Khrushcheve (1953–1964). Chast' 1* ['A special form of making foreign policy by the threat of war to imperialists'. A case study of military-political activity of Central committee Presidium under N.S. Khrushchev, 1954–1964. Part 1]. *Vostok (Oriens)*, no. 2, pp. 9–28. DOI: 10.31857/S086919080019661-4. (In Russ.)

22. Smirnov Yu.N., Timerbaev R.M. 2001. *Pervyi shag k blagorazumiyu v yadernom mire. (K istorii zaklyucheniya Moskovskogo dogovora 1963 goda o chastichnom zapreshchenii yadernykh ispytaniy)* [The first step towards prudence in the nuclear world. (History of the conclusion of the 1963 Moscow treaty on partial nuclear test ban)]. *Yadernyi kontrol'*, vol. 7, no. 1, pp. 73–87. (In Russ.)

23. Sotnikov V.I. 2003. *Yadernaya problema v indiisko-pakistanskikh otnosheniyakh (vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka)* [The nuclear problem in Indian-Pakistani relations (The second half of the 20th — the beginning of the 21st century)]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.)

24. Timerbaev R.M. 1986. *Polnoe zapreshchenie yadernykh ispytaniy* [Total nuclear-test ban]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

25. Timerbaev R.M. 1999. *Rossiya i yadernoe nerasprostranenie, 1945–1968* [Russia and nuclear non-proliferation, 1945–1968]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

26. Tutnova T.A. 2020. *Raketno-kosmicheskaya deyatel'nost' KNR: vozrastayushchaya rol' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [China's rocket and space activities: An increasing role in international relations]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

27. Khaitsman V.M. 1970. *SSSR i problema razoruzheniya. 1945–1959: Istoriya mezhdunarodnykh peregovorov* [The USSR and the problem of disarmament. 1945–1959: History of international negotiations]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

28. Chenchzhi L. 2013. *Razvitie kitaiskikh kosmicheskikh tekhnologii* [The development of Chinese space technologies]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)

29. Yungblyud V.T., Vorob'eva T.A. 2018. *Sovetsko-kitaiskii raskol v amerikanskoi politike razryadki mezhdunarodnoi napryazhennosti (1968–1973 gg.)*

[The Soviet-Chinese split in the U.S. policy of détente (1968–1973)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.)

30. Mikhailenko E.B. (ed.). 2017. *Yadernyi mir: novye vyzovy rezhimu yadernogo nerasprostraneniya* [Nuclear world: New challenges for the non-proliferation regime]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ. (In Russ.)

31. *ABM research and development at Bell laboratories. Project history: October 1975. Part I: History of ABM development*. The Stanley R. Mickelsen Safeguard Complex. 25.07.2022. Available at: <https://srmsc.org/pdf/004438p0.pdf> (accessed: 10.03.2023).

32. Baucom D.R. 1992. *The Origins of SDI: 1944–1983*. Lawrence, University Press of Kansas.

33. Buchonnet D. 1976. *MIRV: A brief history of Minuteman and multiple reentry vehicles*. Livermore, Lawrence Livermore Laboratory. Available at: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/NC/mirv/mirv1_1.html (accessed: 10.03.2023).

34. Bunn G. 1992. *Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians*. Stanford, Stanford University Press.

35. Burr W. 2001. Sino-American relations, 1969: The Sino-Soviet border war and steps towards rapprochement. *Cold War History*, vol. 1, no. 3, pp. 73–112. DOI: 10.1080/713999930.

36. Chang I. 1995. *Thread of the silkworm*. New York, Basic Books.

37. Ross R.S. (ed.). 1993. *China, the United States and the Soviet Union: Tripolarity and policy making in the Cold War*. London, Routledge.

38. Debs A., Monteiro N.P. 2016. *Nuclear politics: The strategic causes of proliferation*. Cambridge, Cambridge University Press.

39. Goldman E.O., Eliason L.C. (eds.). 2003. *The diffusion of military technology and ideas*. Redwood City, Stanford University Press.

40. Dobbs C.M. 2010. *Triangles, symbols, and constraints: The United States, the Soviet Union, and the People's Republic of China, 1963–1969*. Lanham, University Press of America.

41. Freedman L. 1977. *US intelligence and the Soviet strategic threat*. London, Basingstoke, Macmillan.

42. Gavin F.J. 2015. Strategies of inhibition: US grand strategy, the nuclear revolution, and nonproliferation. *International Security*, vol. 40, no. 1, pp. 9–46. DOI: 10.1162/ISEC_a_00205.

43. Goh E. 2004. *Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974: From 'red menace' to 'tacit ally'*. Cambridge, Cambridge University Press.

44. Horowitz M.C. 2010. *The diffusion of military power: Causes and consequences for international politics*. Princeton, Princeton University Press.

45. Horsburgh N. 2015. *China and global nuclear order: From estrangement to active engagement*. Oxford, Oxford University Press.

46. Jones M. 2017. *The official history of the UK strategic nuclear deterrent. Vol. I: From the V-bomber era to the arrival of Polaris, 1945–1964*. London, Routledge.

47. Joyner D.H. 2009. *International law and the proliferation of weapons of mass destruction*. Oxford, Oxford University Press.

48. Kaplan L.S. 2006. *History of the office of the secretary of defense. Vol. V: The McNamara ascendancy, 1961–1965*. Washington, D.C., Office of the Secretary of Defense, Historical Office. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol5.pdf?ver=2014-05-28-133758-613 (accessed: 10.03.2023).

49. Kaplow J.M. 2022. *Signing away the bomb: The surprising success of the nuclear nonproliferation regime*. Cambridge, Cambridge University Press.

50. Kent G.A. 2008. *Thinking about America's defense: An analytical memoir*. Santa Monica, Arlington, Pittsburgh, RAND Corporation. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP223.pdf (accessed: 10.03.2023).

51. Lanoszka A. 2018. *Atomic assurance: The alliance politics of nuclear proliferation*. Ithaca, London, Cornell University Press.

52. Lewis J.W., Di H. 1992. China's ballistic missile programs: Technologies, strategies, goals. *International Security*, vol. 17, no. 2, pp. 5–40.

53. Lewis J.W., Litae X. 1988. *China builds the bomb*. Stanford, Stanford University Press.

54. Lodgaard S. 2011. *Nuclear disarmament and non-proliferation: Towards a nuclear-weapon-free world?* London, Routledge.

55. Lüthi L.M. 2012. Restoring chaos to history: Sino-Soviet-American relations, 1969. *The China Quarterly*, vol. 210, pp. 378–397. DOI: 10.1017/S030574101200046X.

56. Mallard G. 2014. *Fallout: Nuclear diplomacy in an age of global fracture*. Chicago, University of Chicago Press.

57. Marsh G.E. 2019. *Crossing the red line: The nuclear option*. London, World Scientific Publishing Co.

58. Mauroni A. 2019. The rise and fall of counterproliferation policy. *The Nonproliferation Review*, vol. 26, no. 1–2, pp. 127–141. DOI: 10.1080/10736700.2019.1593691.

59. Mehta R.N. 2020. *Delaying doomsday: The politics of nuclear reversal*. Oxford, Oxford University Press.

60. Mukherjee R. 2022. *Ascending order: Rising powers and the politics of status in international institutions*. Cambridge, Cambridge University Press.

61. Narang V. 2017. Strategies of nuclear proliferation: How states pursue the bomb. *International Security*, vol. 41, no. 3, pp. 110–150. DOI: 10.1162/ISEC_a_00268.

62. Ray A. 2021. *Tracing the undersea dragon: Chinese SSBN programme and the Indo-Pacific*. London, Routledge India.

63. Riedel B.O. 2015. *JFK's forgotten crisis: Tibet, the CIA, and Sino-Indian War*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.

64. Roberts B.H. 1996. *Weapons proliferation and world order: After the Cold War*. Boston, Kluwer Law International.

65. Schrafstetter S. 2002. Preventing the 'smiling Buddha': British-Indian nuclear relations and the Commonwealth nuclear force, 1964–68. *Journal of Strategic Studies*, vol. 25, no. 3, pp. 87–108. DOI: 10.1080/01402390412331302785.

66. Smith B.C., Spaniel W. 2021. Do nonproliferation agreements constrain? *Journal of Peace Research*, vol. 58, no. 6, pp. 1163–1177. DOI: 10.1177/0022343320971355.

67. Spaniel W. 2019. *Bargaining over the bomb: The successes and failures of nuclear negotiations*. Cambridge, Cambridge University Press.

68. Taliaferro J.W. 2019. *Defending frenemies: Alliances, politics, and nuclear nonproliferation in US foreign policy*. Oxford, Oxford University Press.

69. Watson R.J. 1997. *History of the office of the secretary of defense. Vol. IV: Into the missile age, 1956–1960*. Washington, D.C., Office of the Secretary of Defense, Historical Office. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol4.pdf (accessed: 10.03.2023).

70. Whitlark R.E. 2021. *All options on the table: Leaders, preventive war, and nuclear proliferation*. Ithaca, New York, Cornell University Press.

71. Xia Y. 2006. *Negotiating with the enemy: US-China talks during the Cold War, 1949–1972*. Bloomington, Indiana University Press.

72. Yuan J. 2022. External and domestic drivers of nuclear trilemma in Southern Asia: China, India, and Pakistan. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 5, no. 2, pp. 296–314. DOI: 10.1080/25751654.2022.2158700.

73. Zhihua Sh., Xia Y. 2012. *Between aid and restriction: Changing Soviet policies toward China's nuclear weapons program 1954–60. Working paper № 2*. Nuclear Proliferation International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/soviet_policies_twrds_chinas_nuclear_weapons_prgm_-_ver_2.pdf (accessed: 10.03.2023).

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 28.05.2023

The paper was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 28.05.2023